

Морис Леблан

**Загадка
замка
Орнекен**

*Шедевры
приключенческого
жанра*

Перевод **Н**

Л
Е
О
Н
И
А
М
Е
Р
З
О
Н

Морис Леблан

Загадка замка Орнекен

«Автор»

2023

Леблан М.

Загадка замка Орнекен / М. Леблан — «Автор», 2023

В основе сюжета похождения молодого французского офицера Поля Дельроза в годы Первой мировой войны, в результате которых была ликвидирована крупная германская разведывательная сеть. Автором романа является классик французского детектива Морис Леблан, литературный отец популярнейшего джентльмена-грабителя Арсена Люпена. Жизнь Поля Дельроза окутана страшной тайной. В детстве у него на глазах убивают отца. Имя убийцы в течение долгих лет оставалось неизвестным. Только после начала Первой мировой войны Полю удастся разгадать тщательно охраняемые секреты германской разведки и выйти на след убийцы своего отца. В битве с германской разведслужбой проявляются его невероятный талант контрразведчика и потрясающие дедуктивные способности, которым позавидовал бы сам Шерлок Холмс.

© Леблан М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

...и маршал Жоффри в бой нас поведет!	6
Часть первая	14
I. Таинственное преступление	14
II. Закрытая комната	20
III. Приказ о мобилизации	26
IV. Письмо Элизабет	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Морис Леблан
Загадка замка Орнекен

L'Eclat d'obus

Maurice Leblanc

Pierre Laffite, Paris, 1916

...и маршал Жоффр в бой нас поведет!

В сентябре 1915 года в парижской ежедневной газете «Журналь» начал печататься роман-фельетон (так называли роман с продолжением) о событиях, происходивших в начале Первой мировой войны. Французское название романа – «L'éclat d'obus», что в переводе на русский язык означает «Осколок снаряда». Спустя год в петроградском журнале «Аргус»¹ был напечатан его русский перевод под названием «Военная тайна». Публика встретила новый роман, написанный на злобу дня, с искренним восторгом. И это понятно. Его «шпионская» фабула в полной мере отвечала антигерманским настроениям, которые в тот период господствовали в странах Антанты. Но главное заключалось в том, что создателем романа был сам Морис Леблан.

К началу Первой мировой войны Леблан уже был одним из самых именитых французских писателей, автором популярнейших в ту эпоху детективных романов, новелл и пьес. Придуманый им литературный персонаж, благородный джентльмен-грабитель Арсен Люпен, мгновенно завоевал умы и сердца европейских читателей благодаря своему интеллекту, ловкости, образованности и высоким моральным качествам.

Появление на литературной сцене Арсена Люпена состоялось в 1905 году. Счастливая мысль создать чисто французского культового героя детективных романов, способного конкурировать с самим Шерлоком Холмсом, пришла в голову Пьеру Лаффиту, директору популярного парижского журнала. Он и предложил Леблану попробовать себя в этом литературном жанре. Леблан попробовал, и результат превзошел все ожидания.

Да и почему было не попробовать, ведь терять ему было нечего. К тому времени литературная карьера уже немолодого и весьма талантливого писателя, несмотря на все его усилия, никак не складывалась.

С юных лет Леблан мечтал стать писателем и журналистом. Правда, при его скучном буржуазном происхождении он вряд ли мог надеяться, что станет знаменитым литератором. Но так уж сошлись звезды, что сам момент появления Мориса на свет был отмечен благосклонным Провидением. Оно, казалось, недвусмысленно намекнуло, что новорожденного ждет громкая литературная слава. Еще бы, ведь 11 ноября 1864 года роды у матери будущего знаменитого писателя принимал хирург Ахилл Флобер, родной брат самого Гюстава Флобера!

Отец Мориса, богатый торговец углем, и не думал поощрять чудаческие устремления сына. После окончания лицея он отправил его работать на фабрику, с которой молодой Леблан попросту сбежал в Париж, чтобы воплотить в жизнь свою мечту о карьере на ниве «серьезной» литературы.

Леблан оказался вполне успешным журналистом. Он сотрудничал с различными печатными изданиями и одновременно упорно трудился над своими первыми литературными произведениями. В течение нескольких лет ему удалось опубликовать несколько романов и «психологических» новелл. Их высоко оценили такие корифеи художественной литературы, как Альфонс Доде, Жюль Ренар, Малларме, Морис Метерлинк. Но беда заключалась в том, что читающую публику эти произведения талантливого автора так никогда и не заинтересовали.

И только благодаря счастливой идее, пришедшей в голову Пьеру Лаффиту, удача наконец улыбнулась Леблану. Правда, успех, выпавший на долю нового литературного героя, объясняется не одним лишь везением или талантом автора. Огромную роль в популяризации фигуры Арсена Люпена сыграли титанические усилия самого Лаффита, который с помощью ловких рекламных ходов сумел разжечь интерес любителей романов-фельетонов к новому детективному персонажу, изображенному в новелле «Арест Арсена Люпена». Спустя два года вышла

¹ Журнал «Аргус», 1916 г., № 7. Обнаружить текст перевода не удалось

первая книга о джентльмене-грабителе, а после нее Леблан осмелился замахнуться на святое: в 1908 году был опубликован роман, в котором Люпен переиграл самого Шерлока Холмса. Гнев А. Конан Дойля был настолько силен, что Леблану даже пришлось в последующих изданиях заменить имя великого сыщика Sherlock на Herlock.

Так к Морису Леблану пришел настоящий успех, и в дальнейшем все складывалось для него как нельзя лучше. Привлекательный литературный образ набирал все большую популярность, а удачливый автор не сидел сложа руки и своего персонажа, как говорится, «раскрутил на полную катушку». Об Арсене Люпене были написаны еще шестнадцать романов, тридцать семь новелл, четыре пьесы для театра и множество киносценариев. В образ джентльмена, совмещившего в одном лице как бы две сущности – ловкого грабителя и защитника униженных и оскорбленных – буквально влюбились миллионы читателей, а затем и кинозрителей.

Правда сам Леблан, мечтавший о карьере писателя-классика и видевший себя в рядах французских академиков, своего героя не любил и всячески стремился избавиться от его навязчивого преследования. В противоположность Флоберу, заявившему «Госпожа Бовари – это я», Леблан не уставал повторять: «Люпен – это не я!» В 1910 году писатель даже попытался взбунтоваться против своего героя, написав роман, в котором не нашлось места Люпену. Однако издатели быстро поставили бунтовщика на место, в результате чего триумфальное шествие Арсена Люпена продолжилось еще в пяти романах.

В 1908 году за вклад в развитие французской литературы Морис Леблан был удостоен ордена Почетного легиона. А когда началась Первая мировая война орденосец Леблан оказался в первых рядах тех деятелей французской культуры, которые горячо поддержали вступление Франции в войну и в меру своего таланта прославляли французскую армию и доблестных защитников отечества.

Предлагаемый вашему вниманию роман Мориса Леблана есть не что иное, как усиленный вклад известного писателя в победу французского оружия на полях мировой войны. Уверен, что въедливый читатель обязательно спросит: «Почему переводчик изменил авторское название?» Отвечаю: «Читайте роман и, полагаю, вы согласитесь со мной».

Уже с первых страниц романа становится понятно, что написан он зрелым мастером детективного жанра, обладающим даром виртуозно «закручивать» невероятную сюжетную интригу. Правда, для нужд военного времени понадобился не детективный, а шпионский роман, но и в этом жанре Леблан продемонстрировал свое великое умение захватить интерес читателя и держать его в постоянном напряжении вплоть до полной и окончательной победы добра над злом.

Можно с уверенностью сказать, что как произведение шпионского жанра этот роман очень даже неплох. Если вы любитель захватывающих головокружительных сюжетов, то вас ожидает погружение в упоительный мир вечной борьбы разведки и контрразведки. Положенная в его основу интрига отличается большой оригинальностью, сюжетные ходы весьма необычны, и за время, потраченное на чтение романа, вы будете в полной мере вознаграждены полученным удовольствием.

Интересна фигура главного героя, в роли которого на этот раз выступает обычный молодой француз. В его личности, как и в личности Арсена Люпена, органично совместились многие выдающиеся качества. Он истинный патриот, бесстрашный солдат, хитроумный разведчик и решительный контрразведчик, одинаково успешно совершающий подвиги на поле боя, на невидимом фронте, и в тылу врага.

Но если в своей «шпионской» части роман не вызывает никаких вопросов, то в моральном плане, как произведение о Первой мировой войне, он может показаться странным и непривычным. Более того, роман не имеет ничего общего с известными произведениями на эту тему, на которых воспитаны целые поколения советских и российских читателей. И в этом его главная особенность. Можно даже сказать, что он не вписывается в существующую норму. Ведь

когда речь идет о Первой мировой войне, привычной нормой является литература «потерянного поколения» с ее антивоенным пафосом и категорическим отрицанием воинствующего шовинизма.

У российских читателей представления о Первой мировой войне в основном формировались под влиянием произведений Ремарка, Хемингуэя, Фицджеральда, а также Анри Барбюса, Ромена Роллана, Анатоля Франса, ну и, понятно, Ярослава Гашека. Люди постарше назовут Олдингтона, Бернарда Шоу и Алексея Толстого.

Что объединяет всех этих писателей помимо неприятия войны как таковой? Ответ известен: пришедшее к концу войны понимание того, что шовинистическая пропаганда, отравившая мозги людей ненавистью к людям другой национальности, есть не что иное, как бесстыдная ложь, распространявшаяся в интересах тех, кому война была выгодна. Все это давно известно и описано в многочисленных трудах, посвященных литературе «потерянного поколения».

Так вот, роман «Загадка замка Орнекен» написан с позиций воинствующего национализма, что, разумеется, непривычно. Во всяком случае, представителей старшего поколения националистическая тональность романа, скорее всего, несколько шокирует.

И все же попытаемся отнестись к позиции автора с пониманием, хотя бы по той причине, что непривычное тоже имеет право на существование. Литература националистического и патриотического толка о Первой мировой войне существовала всегда, и была она весьма обширна. А то, что читатели в большинстве своем с ней не знакомы, свидетельствует лишь о том, что в былые времена мы не имели свободного доступа к мировой литературе. Для нынешних поколений читателей «другая» литература о Первой мировой войне уже не столь интересна, потому что сама война была давно, вспоминают о ней нечасто, ее заслонили другие, более близкие нам исторические события, да и писателей, представляющих эту литературу, уже мало кто помнит.

Тем не менее, полагаю, что «другим» взглядом на исторические события пренебрегать не следует. Он помогает лучше понять историю, дает возможность увидеть ее во всей полноте. Например, мы точно знаем, что «потерянное поколение» – это символ разочарования в идеалах, взглядах и лозунгах, с которыми народы Европы начинали взаимное уничтожение в 1914 году. Но не стоит забывать, что такое разочарование стало достаточно массовым лишь к концу войны. А в августе 1914 года всеобщий шовинистический угар не обошел ни одну страну, вовлеченную в мировую войну. В это время и в Германии, и в России, и в Англии, и во Франции государственная и негосударственная пропаганда буквально сорвалась с цепи. Немцам, русским, англичанам и французам настойчиво прививали оголтелый патриотизм и ненависть к «вражеским» нациям.

Например, крайне активно велась националистическая пропаганда в Великобритании с ее характерными кипплинговскими интонациями и призывами, разжигающими ненависть к немцам.

В России известие об объявлении войны также вызвало невероятный патриотический угар. Особенно отличился в этом смысле «просвещенный» класс, вдруг обнаруживший лютую ненависть к «тевтонам» и страстное желание сокрушить «исконного врага» земли русской. Приветствуя начало войны с Германией, Николай Гумилев писал: «И воистину светло и свято дело величавое войны...». Но все же основной массе населения, в том числе и рядовому составу армии, за все годы войны привить осознанную ненависть к немцам так и не удалось. И это понятно. К началу XX века русско-германские отношения еще не были омрачены истребительными войнами, главными жертвами в которых становилось мирное население. Генерал Брусилов в своих мемуарах отмечал, что солдаты в окопах совершенно не понимали, кто такие немцы и даже не знали, где находится Германия, и задавался вопросом: «Можно ли было при такой моральной подготовке к войне вызвать сильный патриотизм и подъем духа в народных массах?»

Зато во Франции большинство населения питало острую, глубокую и выношенную ненависть к немецкой нации. Именно такой «настоявшейся» в течение многих десятилетий ненавистью проникнуты слова, мысли и чувства персонажей романа Леблана и в первую очередь главного героя романа Поля Дельроза.

История жизни Поля Дельроза складывалась весьма необычно. В отрочестве ему довелось пережить страшное потрясение: на глазах ребенка немецкие шпионы убили его отца. Понятно, что после такой трагедии мальчик, став молодым мужчиной, сохранил на всю жизнь острую неприязнь ко всем немцам без исключения.

Но если неприязнь к немцам у Поля вполне понятна и объяснима, то откуда взялась столь мощная воинственная германофобия у всей французской нации? Ведь известно, что даже в период крайнего обострения кризиса на Балканах в 1914 году французы в массе своей не желали войны с немцами и не верили, что война может начаться. Народ Франции и французские политики боялись войны, и вплоть до убийства Жореса антивоенные настроения были достаточно сильны. При всей напряженности политической обстановки переходить через роковую черту и жертвовать благополучным укладом мирной жизни никто не хотел. Сказывались и умонастроения людей, формировавшиеся в течение долгих лет под влиянием пацифистских и социалистических идей.

Однако стоило Германии направить угрожающую ноту французскому правительству, как в стране произошел настоящий взрыв воинственно-националистических настроений. Тут уж немцам припомнили все, и в первую очередь – небывалое национальное унижение, случившееся в результате разгрома Франции в франко-прусской войне 1870–1871 гг.

Надо сказать, что французам испокон веков было присуще надменно-высокомерное отношение к немцам². Этот комплекс превосходства, достигший пика во времена наполеоновских войн, всегда вызывал у населения Германии глухой протест. В преддверии мировой войны он трансформировался в открытые призывы проучить надменного соседа. Известно, что в дни крайнего обострения кризиса немецкие газеты писали о «кровавых французских разбойниках», защититься от которых можно лишь, «основательно выбив из них зуд шовинизма и национальное высокомерие».

Не оставалась в долгу и французская пресса. В газетах печатались статьи, в которых утверждалось, что немцы жестоки и коварны, что они «дикари», стремящиеся стереть Францию с лица земли и уничтожить французскую нацию. Кстати, немаловажную роль в создании образа «немецкого варвара» сыграла французская литература. Вспомним произведения Мопассана и Золя, в которых описываются зверства прусской армии на территории Франции, например, сборник «Меданские вечера», повести и новеллы Мопассана, такие как «Пышка», «Мадемуазель Фифи», «Два приятеля», «Тетка Соваж», роман Эмиля Золя «Разгром».

Разумеется, патриотический подъем, охвативший в первые дни войны подавляющую часть французского населения, объясняется не только «бытовой» германофобией. Претензии к немцам были вполне конкретны. Французы жаждали реванша за поражение в войне 1870–1871 гг., горели желанием отплатить за разгром их армии, за издевательства над людьми на оккупированных территориях, за ограбление страны (немцы вывезли огромное количество вооружений и другого имущества, и им была выплачена контрибуция в размере пяти миллиардов франков), ну и, само собой, за аннексию Эльзаса и Лотарингии.

Именно реваншистскими настроениями, как и планомерным раздуванием ненависти к немцам французской прессой, объясняется тот факт, что войну поддержало подавляющее большинство французов. Почти все известные деятели искусства, литературы, науки, снискавшие в предвоенные годы репутацию гуманистов и пацифистов, поддержали войну прямо и без-

² См., например, В. П. Подольников *Патриотизм французского общества в начале франко-прусской войны 1870–1871 годов (по произведениям французских писателей)*

оговорочно. Даже семидесятилетний Анатолий Франс заявил, что если бы не возраст, то и он надел бы солдатскую шинель. Правда, впоследствии он каялся и сожалел о том, что поддавался шовинистическим настроениям. Однако в тот момент на стороне Анатолия Франса было подавляющее число литераторов, тогда как последовательных и несгибаемых противников войны, таких как Ромен Роллан, были единицы.

Анри Барбюс, которому в 1914 году исполнился 41 год, на волне патриотизма и германофобии добровольно отправился на войну. В то время он подобно пятидесятилетнему графу д'Андевиллю, тестю Поля Дельроза, мог бы сказать: «Я воюю с немцами, потому что я француз». Но уже через год, испытав на себе все ужасы войны, он заявил устами одного из персонажей романа «Огонь»: «В конце концов, для чего воевать? Для чего мы не знаем; но для кого, это мы можем сказать. Ведь если каждый народ ежедневно приносит в жертву идола войны свежее мясо полутора тысяч юношей, то только ради удовольствия нескольких вожаков, которых можно по пальцам пересчитать. Целые народы, выстроившись вооруженным стадом, идут на бойню... И как только у нас откроются глаза, мы увидим, что между людьми существуют различия, но не те, какие принято считать различиями, а другие; тех же, что принято считать различиями, не существует.»

Романы Барбюса и Леблана были опубликованы практически в одно и то же время. Но если у Барбюса за год пребывания в окопах отношение к войне изменилось самым радикальным образом, то Леблан, продолжал твердо стоять на своих позициях, полагая, что как деятель культуры обязан внести свой вклад в победу над врагом.

Давайте попробуем понять позицию Мориса Леблана.

Начнем с того, что роман написан по горячим следам невероятно драматических событий на француско-германском фронте. В августе-сентябре 1914 года французская армия вновь, как и в период франко-прусской войны, оказалась на грани катастрофы. Но ведь в таких ситуациях литература, как и вся национальная культура, действительно обязана направить весь имеющийся у нее потенциал на поддержку и укрепление морального духа своих воинов. Мы это знаем из опыта Великой Отечественной войны, в годы которой главным стал лозунг «Все для фронта, все для победы», а художественная литература и журналистика стали органической частью политической работы в войсках. А, между прочим, воспитание ненависти к врагу – это общепризнанная составная часть политической работы, которая ведется во всех армиях мира. От словосочетания «воспитание ненависти» многим становится не по себе. Но на войне без этого невозможно обойтись, что и подтвердил своим авторитетным мнением генерал Брусиллов (см. выше). Кто знает, какому количеству бомб и снарядов оказалась эквивалентна ударная мощь стихотворения К. М. Симонова «Убей его»?

Так убей немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал
.....
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!³

Сейчас приходится слышать мнение, что это стихотворение – не пропаганда, а лишь боль души поэта. Но вот свидетельства писателей-фронтовиков.

Писатель Михаил Алексеев: «Мне, политруку миномётной роты, в самые тяжёлые дни Сталинградской битвы не нужно было без конца заклинять своих бойцов: «Ни шагу назад!» Мне достаточно было прочесть стихотворение Симонова «Убей его!» – стихотворение, появившееся как раз в ту пору. Свидетельствую: оно потрясло наши солдатские души»

³ Первая редакция стихотворения «Если дорог тебе твой дом» (1942 г.)

Поэт Михаил Львов: «В 1944 году, на Сандомирском плацдарме, за Вислой, говорил мне мой друг-танкист о стихотворении Симонова «Убей его!»: «Я бы присвоил этому стихотворению звание Героя Советского Союза. Оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер...»

Но вернемся к ситуации на фронтах, описанной в романе Леблана. Роман начал печататься в сентябре 1915 года, а за год до этого немцы стояли на подступах к Парижу.

Начало войны складывалось для французской армии крайне неблагоприятно. Уже в первые ее дни стало очевидно, что Германия лучше, чем страны Антанты, подготовилась к войне. Немецкая армия была лучше вооружена, более эффективно отмобилизована, но главное ее преимущество в начальном периоде состояло в наличии четкого плана моментального разгрома и уничтожения французской армии (так называемый план Шлиффена). Для быстрого завершения войны, которая велась на два фронта, немцы сосредоточили на франко-германском фронте 80 % своих вооруженных сил, намереваясь до завершения мобилизации в России нанести через Бельгию удар в обход основных сил французской армии с ее последующим окружением и уничтожением. На всю операцию немцы отвели от 4 до 6 недель, а по ее завершении планировалось перебросить немецкие войска на российско-германский фронт.

В течение месяца события развивались в точном соответствии с планом германского командования. Неожиданным оказалось лишь отчаянное сопротивление бельгийцев. Но и оно было сломлено, и перед немецкой армией открылся прямой путь на Париж, из которого даже пришлось эвакуировать в Бордо правительство страны.

Однако затем в сентябре немецкое наступление застопорилось. Германская армия не стала в соответствии с планом Шлиффена обходить Париж с севера, а двинулась напрямик. Но на реке Марне немецкие войска натолкнулись на сильное сопротивление французов, которым удалось собрать в этом месте значительные силы. В период с 5 по 12 сентября на Марне происходила грандиозная битва, итоги которой во Франции называют «чудо на Марне». В результате немецкий план молниеносной войны провалился.

Известно, что «чудо на Марне» удалось совершить в том числе благодаря самоотверженному и гибельному прорыву русских армий генералов Самсонова и Ранненкампа, вынудившему немцев снять дивизии с западного фронта. Но решающим фактором стало то, что французская армия, а с ней и вся нация, сплотились, и совместно дали отпор врагу. В песне Ива Монтана говорится, что парижский таксист – это «шофер-мародер». Но парижские «мародеры» перебросили на Марну целую дивизию. Конечно, эта акция преследовала в том числе пропагандистские цели и, в частности, была направлена на поддержание морального духа запаниковавших парижан. Тем не менее, в ней был большой смысл. Армия под руководством маршала Жоффра готовилась к решающему сражению, и ей помогали все, кто мог, в том числе таксисты. Помогали и люди пишущие – литераторы, журналисты – и среди них Морис Леблан. Очевидно, что «Загадка замка Орнекен» замысливалась как сражающийся роман, идеологическое оружие войны, которое не убивает, но в нужный момент способно выстрелить и попасть точно в цель.

Роман этот, конечно, не документальный. Но временами он напоминает репортаж с поля боя, особенно когда описываются стойкость французских солдат и их союзников, яростные атаки и марш-броски на пределе человеческих сил. А еще Леблан не пожалел красок при описании зверств немецких войск. Мы понимаем, что это один из приемов воспитания ненависти к врагу. Но мы также знаем, что действия немецких войск на захваченной земле сами по себе способны вызвать такую ненависть к солдатам кайзера (и фюрера), какую невозможно воспитать даже самой действенной пропагандой.

Изобразив немцев как варваров, дикарей, убийц женщин и детей, Леблан добавляет и еще одно лыко в строку: немцы применяют бесчестные и даже запрещенные приемы ведения войны. Но в данном случае он имеет в виду отнюдь не применение газов. Леблан предъявляет

немцам довольно забавную по нынешним временам претензию: немцы занимаются шпионажем, а это, по мнению автора романа, достойно презрения и является незаконным методом ведения войны. Об этом же говорит и главный герой романа, утверждающий, что немцы – презренная нация шпионов.

Эта деталь кажется странной, но она весьма показательна и поучительна.

Действительно, во Франции презрение к шпионажу с давних времен было своего рода национальной традицией. Отвращение к шпионам в свое время подметил Эмиль Золя, писавший в романе «Разгром»: «У нас, во Франции, людям противно прикоснуться к шпиону, а у них, в Германии, шпионство почетное дело, похвальный способ служения родине...»⁴. Но, между прочим, презрение к шпионажу при подготовке к франко-прусской войне обернулось полным пренебрежением французов к сбору военной информации вообще. А в результате все уверились в том, что Франция готова к войне лучше, чем Пруссия. Что из этого вышло хорошо известно.

В завершение остановимся на отношении Мориса Леблана к сущности описываемой им войны. О том, что война по существу является империалистической, и французы защищают свою колониальную империю от «белокурой бестии», стремящейся расширить свое жизненное пространство, в романе нет ни слова. Боевые действия ведутся на территории Франции, и поэтому война в романе изображается как защита отечества от коварного агрессора. Леблан не волнует вопрос о том, за чьи интересы воюют народы. Персонажи его романа, не щадя жизни, защищают родину и символизируют героизм всего французского народа и его отдельных представителей.

Их безусловным лидером является новый молодой супергерой, одерживающий победы над любыми врагами. Даже сам кайзер Вильгельм II пасует перед умом, отвагой и решительностью Поля Дельроза.

Безусловным героем является и главнокомандующий французской армией. Это высокий статный мужчина с мудрыми глазами и густыми усами. Нетрудно догадаться, что перед нами сам маршал Жоффр, считающийся (наряду с Петеном) национальным героем Франции.

Настоящей героиней оказалась жена Поля. Ей пришлось столкнуться с невероятными трудностями, но она не сдалась и с честью выдержала все испытания. Элизабет Дельроз – это символ бесстрашных французских женщин.

Бернар д'Андевиль, юный соратник Поля, тоже герой. Он символизирует молодое поколение французов.

Тесть Поля – аристократ, в 1914 году ему уже исполнилось 50 лет, как и автору романа. Но когда родина в опасности, граф без колебаний отправляется на войну. Этот представитель старшего поколения французов, безусловно, является героем.

И вообще, все воюющие на стороне Франции – это герои, и они, уверен автор, победят в войне с немецкими захватчиками. Правда, на момент написания романа Леблан еще не знал, что победа в той войне действительно будет за французами, и французский маршал (но не Жоффр) примет капитуляцию Германии. Тогда в Компьенском лесу Франция по праву заняла почетное место среди победителей в мировой войне.

Морис Леблан умер в 1941 году. Ему было уже много лет, и его преследовал призрак Арсена Люпена. О том, как он пережил позорную капитуляцию Франции в 1940 году, нам ничего не известно.

Известно только, что через двадцать пять лет после описываемых событий героический пафос, характерный для французских защитников отечества в годы Первой мировой войны, бесследно исчез. В 1940 году французские маршалы и политики, располагавшие сильнейшей армией, даже с помощью союзников не смогли противостоять вермахту и сдали свою родину

⁴ Эмиль Золя. Собрание сочинений в 18 томах. Том 15 М., «Правда», 1957

немцам. И хотя немало французов не смирилось с оккупацией и тысячи патриотов в меру сил оказывали сопротивление захватчикам, тем не менее, большая часть нации предпочла не умирать стоя, а жить на коленях.

Но это совсем другая история...

Леонид Мерзон, переводчик

Часть первая

І. Таинственное преступление

– Вы только представьте себе, – с волнением сказал Поль Дельроз, – ведь в тот момент он оказался прямо передо мной, и все это происходило на территории Франции!

Элизабет взглянула на своего молодого мужа с такой нежностью, на какую способна только юная новобрачная особа, приходящая в полнейший восторг от любого слова любимого человека.

– Вы повстречали Вильгельма II во Франции? – уточнила она.

– Я видел его собственными глазами и никогда не забуду ни одного, даже малейшего обстоятельства, сопутствовавшего этой встрече. А ведь с того момента прошло довольно много времени...

Поль внезапно сделался очень серьезным, словно это воспоминание вызвало у него самые тягостные чувства.

Элизабет попросила мужа:

– Поль, пожалуйста, расскажите обо всем подробно.

– Конечно, я все вам расскажу, – отозвался Поль. – В ту пору я был еще совсем ребенком, но это происшествие имело столь трагические последствия для моей жизни, что я просто обязан рассказать о нем, не упуская даже мельчайших деталей.

Они вышли из вагона. Поезд прибыл на вокзал Корвиньи. Это была конечная станция местной железнодорожной линии, которая шла от окружного административного центра, пересекала долину реки Лизерон и, не доходя шести лье до границы, упиралась в маленький лотарингский городок, который Вобан⁵, как сказано в его «Мемуарах», окружил «самыми совершенными, какие только можно себе представить, равелинами».

На вокзале царило необычно оживление. Бросалось в глаза большое количество солдат и офицеров. На перроне, заваленном разнообразным багажом, собралось множество путешественников, ожидавших отхода поезда в направлении административного центра. В толпе отъезжающих вперемешку стояли почтенные буржуазные семейства, крестьяне, рабочие и обычные курортники, приехавшие на воды в окрестные городишки, сообщение с которыми осуществлялось через Корвиньи.

Это был последний четверг июля 1914 года. Уже на следующий день должны были объявить мобилизацию.

Элизабет почувствовала беспокойство и теснее прижалась к мужу.

– О, Поль! – произнесла она, вся дрожа, – только бы не было войны!..

– Война? Что за странная идея!

– А почему так много отъезжающих, почему целые семьи уезжают подальше от границы?

– Это еще ни о чем не говорит...

– Возможно, но ведь вы только что просматривали газеты. Очень уж плохие новости. Германия готовится к войне. Немцы все предусмотрели... Я так волнуюсь, Поль! А вдруг нам придется расстаться, и я ничего не буду знать о вас... а если вас ранят... а что потом?..

Он сжал ее руку.

⁵ Себастьян Ле Претр, маркиз де Вобан – выдающийся военный инженер своего времени, маршал Франции, писатель. Выстроенные им крепости объявлены Всемирным наследием человечества.

– Не бойтесь, Элизабет. Ничего плохого не случится. Чтобы война началась, кто-то должен ее объявить. Но ведь надо быть сумасшедшим, обезумевшим преступником, чтобы осмелиться принять такое отвратительное решение!

– Я вовсе не боюсь, – ответила она, – я даже уверена, что буду мужественно держаться, если вас призовут в армию. Только... только дело в том, что по отношению к нам это более жестоко, чем по отношению к большинству других людей. Подумайте только, дорогой мой, ведь поженились мы только сегодня утром.

Вспомнив о недавнем бракосочетании, она ощутила бесконечную радость, и красивое лицо Элизабет, обрамленное копной золотистых локонов, осветилось доверчивой и яркой улыбкой. Она прошептала:

– Поль, мы поженились сегодня утром... Вы, конечно, понимаете, как мало счастья я пока еще вкусила.

Внезапно толпа на перроне пришла в движение. Все собравшиеся устремились к выходу. Оказалось, что по привокзальной площади прошествовал к ожидавшему его автомобилю генерал в сопровождении двух старших офицеров. Потом раздались звуки военной музыки: по площади промаршировал батальон пехотинцев. За пехотинцами двигались артиллеристы. Упряжка из шести лошадей тянула огромное осадное орудие, которое, несмотря на громоздкий лафет, казалось легким благодаря невероятной длине его ствола. Замыкало колонну стадо быков.

Полю не удалось найти носильщика, и он стоял на тротуаре, держа на весу две дорожные сумки. Внезапно к нему приблизился какой-то человек. На ногах незнакомца красовались кожаные гетры, а одет он был в охотничью куртку с роговыми пуговицами и штаны из грубого зеленого бархата. Человек снял фуражку и произнес:

– Вы господин Поль Дельроз, не так ли? Я управляющий замком...

У управляющего было открытое, энергичное лицо, кожа на котором загорела от солнца и холодов, в волосах блестела седина, и в целом он имел довольно суровый вид, характерный для старых служителей, привыкших за долгие годы к полной независимости. Уже семнадцать лет он находился на службе у графа д'Андевиля, отца Элизабет, и руководил его обширным поместьем Орнекен, расположенным неподалеку от Корвиньи.

– Так это вы, Жером! – воскликнул Поль. – Очень хорошо. Значит, вы получили письмо от графа д'Андевиля. А наши слуги уже приехали?

– Все трое появились сегодня утром, сударь. Они помогли нам, жене и мне, немного прибраться в замке, чтобы достойно встретить господина и госпожу.

Он отдельно поприветствовал Элизабет, которая в ответ улыбнулась и сказала:

– Вы узнаете меня, Жером? Как давно я здесь не была!

– Вам было четыре года, мадемуазель. Мы с женой так сильно горевали, когда узнали, что мадемуазель больше не возвратится в замок, как и господин граф... Все это из-за воспоминаний о его безвременно скончавшейся супруге. А что, господин граф не заедет к нам этим летом?

– Нет, Жером, полагаю, что не приедет. Хотя и прошло уже много лет, но он по-прежнему горюет.

Жером уложил дорожные сумки в тележку, которую взял напрокат в Корвиньи, и пошел впереди, толкая тележку перед собой. За более крупным багажом он намеревался приехать позднее и увезти его в собственной повозке.

Погода в тот день была великолепная. По этой причине у коляски, поданной к вокзалу, был сложен откидной верх.

Поль с женой уселись в коляску.

– Ехать недалеко, – сказал управляющий, – всего четыре лье... но дорога все время идет в гору...

– А в каком состоянии замок? Он хоть немного пригоден для проживания? – спросил Пьер.

– Конечно! Правда, нельзя сказать, что все помещения в нем имеют жилой вид. Ну да сами увидите. Мы сделали все, что смогли. Моя жена так рада приезду хозяев! Она будет встречать вас у крыльца. Я предупредил ее, что господин и госпожа прибудут примерно в половине седьмого или в семь...

Когда коляска отъехала от вокзала, Поль сказал жене:

– Достойный человек этот управляющий, но, похоже, ему не часто удастся с кем-нибудь поговорить. Он немного заторможенный...

Дорога взбиралась вверх по крутым местным склонам. В черте города дорога служила главной магистралью и пересекала город точно посередине. По обеим ее сторонам теснились магазины, лавки, общественные сооружения и гостиницы, а еще то там, то здесь попадались необычные для этих мест скопления людей. В какой-то момент дорога пошла вниз, в обход старых бастионов, построенных Вобаном. Затем она запрыгала по небольшим возвышенностям, разбросанным на равнине, по сторонам которой расположились форты с большими и малыми башнями.

Извилистая дорога шла среди полей, засеянных овсом и рожью. Стоявшие по сторонам дороги тополя образовали над ней некое подобие тенистого купола. Неспешно катилась коляска, и Поль Дельроз продолжил прерванный на вокзале рассказ о трагическом случае, случившемся, когда он был еще ребенком.

– Как я вам уже говорил, Элизабет, то, что произошло в моем детстве стало истинной драмой, и она никогда не изгладится из моей памяти. Об этом происшествии много говорили в те годы. Ваш отец, который, как вы знаете, был другом моего отца, узнал о нем из газет. По моей просьбе, он не стал вам ничего рассказывать, потому что я хотел, чтобы вы именно от меня узнали об этом происшествии, несмотря на то, что мне и сейчас больно об этом вспоминать.

Их руки встретились. Поль понял, что жена воспримет каждое его слово с искренним сочувствием. Немного помолчав, он продолжил.

– Мой отец был из той породы людей, которые сразу вызывают симпатию и даже искреннюю приязнь у каждого, с кем им доводится общаться. Человек он был пылкий, благородный, очень чувствительный, неизменно благожелательный, в любой момент готовый прийти в восхищение от любого красивого предмета или зрелища. Он любил жизнь и пользовался ее благами с какой-то неизъяснимой поспешностью.

В 1870 году он записался в армию добровольцем и свои лейтенантские погоны заслужил на поле боя. Героическая солдатская жизнь настолько полно отвечала его человеческой природе, что он пошел в армию и во второй раз, когда начались военные действия в Тонкинском заливе, а затем и в третий раз во время войны за покорение Мадагаскара.

Из последней кампании отец возвратился в чине капитана и даже стал офицером ордена Почетного легиона. Сразу по возвращении он женился.

Когда мне исполнилось четыре года, моя мать неожиданно умерла. Смерть жены стала жестоким ударом для отца, и тем не менее он нашел в себе силы и окружил меня нежной и неустанной заботой. Он сам взялся за мое воспитание. Особенно внимательно отец следил за моим духовным и телесным развитием. Чего только он ни придумывал, чтобы я закалился и стал сильным и отважным парнем. Каждое лето мы выезжали на морское побережье, каждую зиму проводили в занесенных снегом и покрытых льдом горах Савойи. Я любил его всем сердцем. Даже сейчас, вспоминая о нем, я ощущаю искреннее волнение.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мы вдвоем отправились в путешествие по Франции. Прежде он намеренно откладывал это путешествие, дожидаясь, когда я достигну возраста, в котором буду способен оценить весь смысл такой поездки. По существу, это было паломничество по тем местам, где он храбро сражался в страшное для страны время.

Его рассказы о битвах, завершившихся ужасной национальной катастрофой, произвели на меня неизгладимое впечатление. Сколько слез пролил он, а вслед за ним и я, на берегах Луары, на равнинах Шампани, в долинах Вогез, но в особенности в деревнях Эльзаса! Какая наивная надежда охватывала меня, когда я внимал его словам, полным такой же горячей надежды!

«Поль, – говорил он мне, – я уверен, что придет день, когда и тебе придется сразиться с тем же врагом, с которым сражался я. Заклинаю тебя, невзирая на все произносимые прекрасноречивые речи об умиротворении Германии, проникнись прямо сейчас острой ненавистью к этому врагу. Что бы ни говорили, помни, что это варвары, звери, убежденные в своем национальном превосходстве, кровожадные хищники. Однажды этот враг уже раздавил нас и не успокоится, пока не раздавит опять, причем на этот раз окончательно. Когда придет этот день, вспомни, Поль, о тех местах, по которым мы с тобой вместе прошли. Эти места станут этапами нашей будущей победы, я в этом полностью уверен. Никогда не забывай о них, и пусть радость побед не сотрет в твоей памяти названия мест, где мы испытали боль и национальное унижение: Фрозшвилль, Мар-ла-Тур, Сен-Прива и многие другие! Не забывай об этом, Поль!..».

Потом он улыбнулся и добавил: «Впрочем, зачем я беспокоюсь? Враг сам возбудит ненависть в сердцах не только тех, кто все забыл, но и тех, кто еще с ним не встречался. Разве они могут измениться? Вот увидишь, Поль, вот увидишь. Все, что я говорю тебе, даже в малой степени не отражает кошмара реальной действительности. Это не люди, это чудовища.»

Поль Дельроз замолчал. Жена с нерешительностью в голосе спросила его:

– Вы полагаете, что ваш отец был прав?

– Думаю, что на отца давили воспоминания о событиях недавнего прошлого. Я много путешествовал по Германии, какое-то время даже жил там, и думаю, что состояние умов в этой стране довольно сильно изменилось. Признаюсь, временами я перестаю понимать то, что сказал мне отец... Однако... однако очень часто я теряю покой, когда вспоминаю его слова. Кроме того, все, что случилось потом, выглядит настолько странно!

Между тем, коляска замедлила ход. Дорога постепенно взбиралась на один из многочисленных холмов долины Лизерона. Со стороны Корвиньи заходило солнце. Навстречу проехал дилижанс с багажом пассажиров на крыше, за ним проследовали два автомобиля, в которые набились путешественники с многочисленными чемоданами. По полю проскакал кавалеристский разъезд.

– Давайте разомнем ноги, – предложил Поль Дельроз.

Они спешили и двинулись вслед за коляской. Поль продолжил свой рассказ:

– То, что я сейчас расскажу вам, Элизабет, запечатлелось в моей памяти в виде отдельных очень четких деталей. Они словно выплывают из густого тумана, за завесой которого я ничего не могу разглядеть. Не могу с уверенностью утверждать, но, насколько я помню, по завершении этой части путешествия мы должны были отправиться из Страсбурга в Шварцвальд. Я не знаю, что повлияло на изменение намеченного маршрута. Помню только, что было утро, когда на вокзале в Страсбурге мы сели в поезд, который направлялся в сторону Вогез... да, точно, в Вогезы. Отец все читал и перечитывал какое-то недавно полученное письмо, которое доставило ему большое удовольствие. Возможно, что именно из-за этого письма наши планы изменились. Ничего точно я утверждать не могу. По пути мы пообедали. Стояла жара, как перед грозой, и я заснул. Помню только центральную площадь маленького немецкого городка, где мы взяли напрокат велосипеда и оставили чемоданы в камере хранения... а потом... все так смутно!.. мы двинулись в направлении какой-то местности, воспоминания о которой у меня практически не сохранились. В какой-то момент отец сказал: «Смотри, Поль, мы пересекаем границу... мы опять во Франции...».

Через некоторое время... не знаю, сколько времени прошло... он остановился, чтобы уточнить дорогу у какого-то крестьянина, который показал нам кратчайший путь через лес.

Что это была за дорога? Не знаю. В моем мозгу остался какой-то непроницаемый мрак, в котором погребены все мысли и воспоминания.

Но время от времени этот мрак рассеивается, и я с удивительной четкостью вижу лесную поляну, высокие деревья, мох, похожий на бархат, и старую часовню. Всю эту картину крупными каплями заливают усиливающийся дождь, и отец говорит мне: «Бежим, Поль, укроемся от дождя.»

Мне все время кажется, что его голос звучит где-то у меня внутри. И еще я четко вижу маленькую часовню, стены которой позеленели от сырости. Крыша часовни выступает за клирос, и под ней мы укрываем наши велосипеды. В этот момент из глубины часовни до нас долетает звук разговора и раздаётся скрип открывающейся боковой двери.

Кто-то выходит из часовни и говорит по-немецки: «Никого нет. Давайте быстрее.»

Как раз в этот момент мы огибали часовню, намереваясь войти в ту же дверь. Отец шел впереди и неожиданно наткнулся на человека, который произнес по-немецки эти слова.

Оба отпрянули назад. Иностранца, судя по его виду, эта нежданная встреча сильно раздосадовала, а отец казался совершенно ошеломленным. Пару секунд они стояли в полной неподвижности и смотрели друг на друга. Я услышал, как отец пробормотал: «Возможно ли это? Император...»

Его слова меня удивили, но я часто видел портрет кайзера, так что сомневаться не приходилось: перед нами стоял не кто иной, как император Германии.

Германский император во Франции! Он быстро наклонил голову и поднял до самых свисающих полей шляпы бархатный воротник своей широкой пелерины. Затем император повернулся в сторону часовни. Оттуда вышла дама в сопровождении какой-то личности, скорее всего, слуги. Но на него я даже не взглянул, потому что, не отрываясь, смотрел на даму. Это была высокая, еще молодая, довольно красивая брюнетка.

Император с откровенной грубостью схватил ее за руку и потащил за собой, гневно выговаривая слова, расслышать которые мы не могли. Они двинулись по той же тропинке, по которой и мы добрались до этой поляны, и которая шла в направлении границы. Слуга бросился вслед за ними, обогнал их и пошел впереди.

«Странная история, – со смехом произнес отец. – Какой черт заставил Вильгельма II так рисковать? Надо же, среди бела дня! Неужели эта часовня представляет какой-то особый интерес? Пойдем, Поль, посмотрим.»

Мы вошли в часовню. Дневной свет едва пробивался сквозь витраж, почерневший от пыли и паутины. Но и такого освещения было достаточно, чтобы рассмотреть приземистые колонны и голые стены. Не было ничего, что могло бы привлечь интерес самого императора. Отец сказал: «Очевидно, что Вильгельм II явился сюда, как турист, просто решил рискнуть, а теперь, конечно, он страшно расстроен из-за такого происшествия. Возможно, та дама убедила его, что их прогулка не таит никакой опасности. Потому-то он так рассердился и обрушился на нее с упреками.»

– Не правда ли странно, Элизабет, что все эти незначительные обстоятельства, не представляющие интереса для ребенка моего возраста, прочно запечатлелись в моей памяти, тогда как более существенные факты мне запомнить не удалось? Однако рассказываю я вам только о том, что и сейчас стоит у меня перед глазами и продолжает звучать в моих ушах. Ведь и сейчас я вижу так же четко, как и тогда, как мы выходим из часовни, и вдруг из леса появилась спутница императора, торопливо прошла по поляне и обратилась к моему отцу со словами: «Могу я попросить вас об одной услуге, сударь?»

Она задышалась. Должно быть, ей пришлось бежать. Внезапно, не дожидаясь ответа, она добавила: «Персона, с которой вы повстречались, желает поговорить с вами.»

Незнакомка свободно говорила по-французски, без малейшего акцента.

Мой отец явно смутился. Но его нерешительность вывела незнакомку из себя, словно, проявив неуверенность, отец нанес недопустимое оскорбление приславшей ее персоне. Она резко произнесла: «Полагаю, вы не собираетесь ответить отказом.»

«Отчего же, – ответил отец, в голосе которого проступили нетерпеливые нотки, – я ведь не приемлю никаких приказаний.»

«Это не приказ, – проговорила она, с трудом сдерживая раздражение, – это пожелание.»

«Хорошо, я готов побеседовать. Передайте этой персоне, что я к ее услугам и буду ждать ее здесь.»

Возмущению дамы не было предела. «Нет, нет, это вы должны...»

«А вы хотите, – громко заявил отец, – чтобы я взял на себя труд пересечь границу и отправился туда, где меня изволит ожидать эта персона? Сожалею, сударыня, но к таким действиям я не готов. Передайте этой персоне, что если она опасается, что я, став невольным свидетелем вашего свидания, не сохраню увиденное в тайне, то она беспокоится совершенно напрасно. Пойдем, Поль, нам пора возвращаться.»

Он снял шляпу и поклонился незнакомке. Но она загрозила ему дорогу.

– Нет, нет, вам придется выслушать меня. Ваше обещание сохранить все в тайне недорого стоит. Необходимо покончить со всей этой историей тем или иным образом и вам придется согласиться...»

Остальные ее слова я не расслышал. Она стояла напротив отца и бросала на него озлобленные враждебные взгляды. Красивые черты ее лица странно контрастировали с застывшим на нем зверским выражением, от которого я пришел в ужас. Ах, как же я сразу не догадался!.. Но я еще был так мал! И к тому же все произошло так стремительно!.. Она приблизилась к отцу и буквально прижала его к большому дереву, которое росло справа от часовни. Голоса обоих звучали очень громко. Она сделала угрожающий жест. Он в ответ рассмеялся. И немедленно произошло то, чего я никак не ожидал: она выхватила нож – помню, как в сумерках сверкнуло его лезвие – и ударила отца прямо в грудь два раза... два раза... прямо в грудь. Отец упал.

Поль Дельроз побледнел и замолчал. Было видно, как мучительны для него эти воспоминания.

– Ах, – прошептала Элизабет, – твоего отца убили... Бедный Поль, мой бедный друг...

Помолчав, она продолжила, задыхаясь от волнения:

– А что случилось потом, Поль? Вы закричали?..

– Я закричал, бросился к отцу, но был схвачен безжалостной рукой. Это была та самая личность, слуга императора. Он убежал из леса и схватил меня. Я увидел, как над моей головой занесли нож, ощутил страшный удар в плечо и упал.

II. Закрытая комната

Элизабет слушала Поля, затаив дыхание, а тем временем коляска добралась до вершины холма и остановилась. Молодожены дошли до нее и присели на краю дороги. Перед ними простирались покрытые зеленой растительностью волнистые очертания долины Лизерона. Долину пересекала извилистая река, вдоль берегов которой шли две дороги, точно повторявшие ее изгибы. Освещенный заходящим солнцем Корвиньи, расположившийся метров на сто ниже вершины холма, остался позади. Впереди, примерно на расстоянии одного лье, виднелись башенки Орнекена и руины главной башни замка.

Элизабет, которую рассказ Поля привел в ужас, долго молчала. Наконец, она проговорила:

– Ах, Поль, все это так страшно. Вы, конечно, очень страдали.

– Все, что произошло потом, полностью стерлось из моей памяти. Я был в беспамятстве вплоть до того дня, когда оказалось, что я нахожусь в незнакомой мне комнате, и за мной ухаживают старая кухня моего отца и какая-то монахиня. Это была самая приличная комната постоялого двора, находящегося между Бельфором и границей. Оказалось, что двенадцать дней тому назад хозяин постоялого двора рано утром обнаружил, что к его заведению ночью подбросили два бездыханных окровавленных тела. Осмотр показал, что одно тело уже полностью остыло. Это было тело моего бедного отца. Зато я все еще дышал.

Выздоровливал я долго. Иногда наступало облегчение, но потом вновь начиналась лихорадка, я бредил и все время пытался спастись. Из всех родственников у меня оставалась только эта старая кухня отца. Она продемонстрировала чудеса преданности и окружила меня невероятной заботой. Через два месяца, когда я уже немного оправился от полученной раны, она увезла меня к себе. Смерть отца и ужасные обстоятельства его гибели стали для меня настолько тяжелым ударом, что для полного выздоровления мне потребовалось несколько лет. Что же касается самого трагического происшествия...

– И что было дальше? – нетерпеливо спросила Элизабет. Она обняла мужа за шею и казалось, что этим жестом она пытается защитить его от грозящей опасности.

– А дальше, – сказал Поль, – все застопорилось. Раскрыть тайну случившегося так и не удалось. Правда следствие велось очень тщательно и старательно, скрупулезно проверялись немногие имевшиеся у них сведения, источником которых был я сам. Но все усилия были напрасны. К тому же полученные от меня сведения были крайне расплывчаты. Что я мог им сообщить помимо того, что произошло на поляне и перед часовней? Да и где находилась эта часовня? В какой стране случилась эта трагедия?

– Но ведь вы с отцом путешествовали, прежде чем оказались в этой местности. Мне кажется, что если попытаться восстановить ваш маршрут непосредственно от Страсбурга...

– Но вы, наверное, и сами понимаете, что следователи отработали эту версию. Французских правоохранителей не удовлетворила помощь, предоставленная им немецкими коллегами, и они пустились по следу самых лучших полицейских. Однако, когда я уже достиг более сознательного возраста, знаете, что показалось мне самым странным? То, что не удалось отыскать никаких следов нашего пребывания в тех местах. Понимаете, никаких! А ведь именно о том, что мы там находились, я помню совершенно точно, потому что в Страсбурге мы спали и вкусно ели целых два дня. Следователь, который вел дело, пришел к выводу, что воспоминаниям, сохранившимся у полумертвого потрясенного ребенка, доверять нельзя. Но я-то знаю, что он неправ. Я всегда это знал и знаю сейчас.

– Что же из этого следует, Поль?

– А то, что меня неотступно преследует одна и та же мысль. Мне кажется, что существует связь между полным исчезновением следов бесспорных фактов, которые легко проверить или

восстановить, таких как пребывание двух французов в Страсбурге, их поездка по железной дороге, сдача багажа в камеру хранения, аренда велосипедов в эльзасском городке, и тем основополагающим обстоятельством, что сам император был непосредственно, подчеркиваю, непосредственно вовлечен в это дело.

– Но ведь мысль о том, что такая связь существует, должна была прийти не только в вашу голову, Поль, но и в голову следователя...

– Очевидно, что так оно и было. Однако ни следователь, ни полицейские, ни одно официальное лицо из тех, кому я давал показания, так и не признали факт присутствия в тот день в Эльзасе германского императора.

– Но почему?

– Потому что все германские газеты сообщили, что в тот момент он находился во Франкфурте.

– Во Франкфурте?

– Да, черт побери! Как он приказывает, так газеты и пишут, и никогда не сообщается, где он находится на самом деле, если кайзер того не желает. Во всяком случае, мне сказали, что я ошибся, а в целом следствие столкнулось с таким количеством препятствий, тупиков, лжи и придуманных алиби, что стало ясно, что за всем этим стоит какая-то всемогущая сила, не знающая преград. Ничем иным невозможно объяснить то, что следствие зашло в тупик. Послушайте, разве могут два француза проживать в гостинице в Страсбурге без того, чтобы их имена сохранились в гостиничной книге регистраций? Не знаю, как это получилось, выкрали эту книгу или вырвали соответствующие страницы, но следы нашего пребывания в гостинице так и не нашлись. В итоге – никаких доказательств, никаких следов. Хозяева и работники гостиницы и ресторана, вокзальные кассиры, служащие железной дороги, те, кто сдавал нам в аренду велосипеды, всех их обязали хранить молчание, и ни один из них этого обязательства не нарушил.

– Но, Поль, ведь впоследствии вы и сами могли бы заняться поисками этого места.

– Именно этим я и занялся, когда стал постарше. Я четыре раза обошел приграничные районы от Швейцарии до Люксембурга и от Бельфора до Лонгви. Я опросил множество людей, осмотрел разные местности. А сколько времени я потратил, копаясь в глубинах своего мозга и пытаюсь извлечь оттуда хотя бы обрывочные воспоминания, которые помогли бы мне отыскать место разыгравшейся трагедии. Но все было тщетно. Казалось, что прошлое окутано непроницаемой тьмой, через которую никогда не сможет пробиться даже луч света. Лишь три зрительных образа неотступно маячили передо мной. В память врезались детали пейзажа, на фоне которого разыгралась трагедия: деревья на поляне, старая часовня, тропинка, убегающая вглубь леса. Образ самого императора. И образ... образ женщины, совершившей убийство.

Голос Поля вдруг стал едва слышным. Его лицо исказилось от боли и ненависти.

– О, этот образ! Проживи я хоть сто лет, все равно перед глазами всегда будет стоять эта сцена, и всегда будет казаться, что мельчайшие детали происходящего освещены нестерпимо ярким светом. Где-то внутри меня отпечатались форма ее рта, выражение глаз, прическа, особенности походки, линия силуэта. Причем это не какое-то видение, которое я могу вызвать по собственной воле. Нет, это часть меня самого, часть моей личности. Кажется, что пока я находился в бреду, все таинственные силы моего духа слились и заставили организм впитать в себя эти кошмарные воспоминания. К счастью, прежнее состояние болезненной одержимости уже прошло, но иной раз я по-прежнему испытываю ужасные страдания, в особенности, когда наступает вечер, и я остаюсь один. Мой отец убит, а та, что убила его, все еще жива и она безнаказанна, счастлива, богата, пользуется уважением и продолжает заниматься своим разрушительным, исполненным ненависти делом.

– Скажите, Поль, а вы смогли бы ее узнать?

– Смогу ли я ее узнать? Да я узнаю ее среди тысяч и тысяч женщин! Даже если с годами она станет неузнаваемой, я все равно распознаю под старческими морщинами лицо молодой женщины, которая в тот сентябрьский день убила моего отца. Я узнаю ее наверняка. Кажется невероятным, но ведь я запомнил даже цвет ее платья! На ней было серое платье, на плечи была наброшена кружевная шаль, а к корсажу приколата крупная камешка, обвитая золотой змеей с рубиновыми глазами. Как видите, Элизабет, я ничего не забыл и не забуду никогда.

Он замолчал. Элизабет плакала. Вслед за мужем ее охватило ощущение ужаса и горечи. Он привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

Она проговорила:

– Не забывай об этом, Поль. Преступление обязательно будет наказано, потому что так должно быть. Надо лишь, чтобы это воспоминание не наполняло твою жизнь ненавистью. Теперь нас двое, и мы любим друг друга. Надо смотреть в будущее.

* * *

Замок Орнекен представляет собой красивое и простое сооружение шестнадцатого века с четырьмя небольшими башенками, над которыми надстроены маленькие колокольни. Бросаются в глаза высокие окна, верхнюю часть которых украшает зубчатый орнамент, и изящная балюстрада, опоясывающая второй этаж постройки.

По краям прямоугольного центрального дворика разбиты правильной формы лужайки. Они образуют эспланаду, которая идет в направлении садов и окружающих замок лесов. С одной стороны лужайки переходят в широкую террасу, с которой открывается вид на долину Лизерона и величественные руины разрушившейся главной башни замка.

Само поместье стояло в окружении полей и многочисленных ферм, имевших весьма ухоженный вид. Все говорило о том, что хозяйственная деятельность здесь велась активно и рачительно. В те годы поместье по своим размерам было одним из самых крупных в департаменте.

Семнадцать лет тому назад после смерти последнего барона д'Орнекена поместье было выставлено на продажу, и граф д'Андевиль, отец Элизабет, приобрел его по просьбе своей жены. Граф женился за пять лет до покупки поместья. После женитьбы он оставил службу в кавалерии, чтобы посвятить всего себя любимой супруге. Сложилось так, что они, путешествуя по стране, случайно оказались в Орнекене как раз в тот момент, когда в местных газетах появилось сообщение о продаже поместья и уже были назначены торги. Эрмину д'Андевиль поместье и замок привели в полный восторг. Да и граф как раз собирался приобрести какое-нибудь поместье, чтобы на досуге заниматься сельским хозяйством. Поэтому он решился на эту сделку и даже нанял адвоката для ведения дел.

Прежний владелец оставил поместье в крайне запущенном состоянии, из-за чего графу по завершении сделки пришлось в течение всей зимы из Парижа руководить работами по приведению своего хозяйства в порядок. Графу хотелось, чтобы новое жилище было комфортабельным и одновременно красивым. Поэтому он переправил из своего парижского особняка в замок все изящные вещицы, ковры, произведения искусства и полотна старых мастеров.

Обосноваться в замке семейству удалось только в августе. Вместе с четырехлетней Элизабет и сыном Бернаром, недавно родившимся крупным мальчиком, граф и графиня прожили в своем поместье несколько чудесных недель. В то время Эрмина д'Андевиль была настолько поглощена детьми, что лишь изредка выходила прогуляться по парку. Граф следил за работой ферм и ездил на охоту в сопровождении своего управляющего Жерома.

Однако в конце октября графиня неожиданно простудилась, и это стало причиной тяжелого заболевания, последствия которого оказались очень серьезными. Состояние графини ухудшалось, и граф д'Андевиль принял решение перевезти ее и детей на юг Франции. Но две недели спустя болезнь обострилась и через три дня графини не стало.

Отчаяние графа было настолько велико, что, глядя на него, можно было заключить, что жизнь его окончена и, что бы ни произошло, он уже никогда не только не испытает радости, но даже не сможет утешиться. Теперь он жил не столько ради детей, сколько для того, чтобы хранить культ покойной и лелеять воспоминания, ставшие для него единственным смыслом существования.

Граф не мог заставить себя возвратиться в замок Орнекен, где он был безгранично счастлив, но и не допускал мысли, что в замке могут поселиться чужие люди. Поэтому он приказал Жерому накрепко закрыть все двери и ставни, а вход в спальню и комнату графини перекрыть таким образом, чтобы никто и никогда не смог бы туда проникнуть. Кроме того, Жерому было поручено сдать фермы в аренду местным крестьянам и взимать с них арендную плату.

Но такой разрыв с прошлой жизнью оказался для графа недостаточным. Может показаться странным, но для этого человека, жившего лишь воспоминаниями о покойной жене, все, что напоминало о ней, – предметы семейного обихода, жилище и его окрестности – стало непереносимой мукой, и даже собственные дети вызывали у него болезненное чувство, совладать с которым он был не в состоянии. В провинциальной глубинке, в Шомоне, проживала его вдовья старшая сестра Алина. Ее заботам он и поручил свою дочь Элизабет и сына Бернара, а сам отправился в путешествие.

Алина отличалась самоотверженностью и развитым чувством долга. В ее доме в атмосфере нежной заботы, внимания и требовательности прошло детство Элизабет. Здесь сформировались душевные качества девушки, созрел ее разум и укрепился характер. Тетя воспитывала племянницу в строгости, и ей удалось привить Элизабет очень жесткие моральные нормы.

В свои двадцать лет Элизабет была девушкой рослой, решительной и отважной. Выглядела она несколько меланхолично, но, когда на лице Элизабет появлялась очень наивная и искренняя улыбка, тогда казалось, что всю ее озаряет яркий внутренний свет. Такие лица природы изначально метит знаками будущих испытаний и радостей, предначертанных человеку его судьбой. Глаза ее всегда были увлажнены, и казалось, что любое зрелище вызывает у нее самые сильные чувства. Голову Элизабет украшала копна светлых локонов, отчего ее лицо приобретало веселое выражение.

Граф д'Андевиль в перерывах между путешествиями навещал Элизабет и всякий раз поражался тому, насколько очаровательной становится его дочь. Две зимы подряд он брал ее с собой в поездки по Испании и Италии, и вот однажды в Риме она случайно познакомилась с Полем Дельрозом. После этого они встречались в Неаполе, потом в Сиракузах, вместе совершили длительную поездку по Сицилии, и лишь в момент расставания оба поняли, насколько крепки связавшие их чувства.

Поль, как и Элизабет, воспитывался в провинции и так же, как она, долго жил у преданной родственницы, старавшейся сделать все от нее зависящее, чтобы мальчик забыл о страшной трагедии, которую он пережил в детстве. Избавить Поля от тяжелых воспоминаний ей, разумеется, не удалось, но она с успехом продолжила дело, начатое его отцом, и благодаря ее воспитанию Поль вырос честным и трудолюбивым юношей. Он отличался широким кругозором, жаждой деятельности и интересом к окружающей жизни. Поль окончил Национальное училище искусств и ремесел, был призван на военную службу, по завершении которой уехал на два года в Германию, чтобы на месте изучить некоторые вопросы механики и организации промышленного производства, к которым проявлял большой интерес.

Поль был высок ростом и прекрасно сложен, черные волосы он зачесывал назад, а сочетание худого лица и волевого подбородка придавало ему мощный и энергичный вид.

После знакомства с Элизабет, Поль открыл для себя ранее неведомый ему мир сильных чувств. Оба они теперь пребывали в каком-то странном состоянии, похожем на опьянение с примесью сильного удивления. Любовь изменила их души, которые вдруг приобрели свободу и легкость, наполнились восторгом и радостью бытия, что для молодых людей, выросших в

суровых условиях, было совершенно непривычно. По возвращении во Францию он попросил руки Элизабет у ее отца и получил согласие на брак.

За три дня до бракосочетания состоялось заключение брачного контракта, во время которого граф д'Андевиль сообщил, что к приданному дочери он добавляет замок Орнекен. Молодые люди приняли решение поселиться в замке, имея в виду, что Поль приобретет в промышленной зоне региона предприятие, которое сам и возглавит.

В четверг 30 июля в Шомоне состоялось их бракосочетание. Количество гостей было сведено к минимуму, потому что все ожидали начала войны, хотя граф д'Андевиль, располагавший самыми достоверными сведениями, утверждал, что о войне не может быть и речи. На свадебном обеде Поль познакомился с Бернаром д'Андевилем, братом Элизабет, которому недавно исполнилось семнадцать лет. Бернар учился в колледже, у него только что начались каникулы, и он очень понравился Полю своей энергией и открытостью. Было решено, что через несколько дней Бернар также приедет в Орнекен.

В час дня Элизабет и Поль сели в поезд и покинули Шомон. Крепко держа друг друга за руки, они направились к своему замку, где намеревались провести первые годы совместной жизни и обрести счастье и покой, к которым всегда стремятся ослепленные любовью молодожены.

В половине седьмого они подъехали к замку и обнаружили стоявшую на крыльце жену Жерома, Розали, полную даму с красными прожилками на щеках. Выглядела она весьма бодро и производила впечатление очень доброй женщины. Перед ужином супруги совершили короткую прогулку по саду, а затем пошли осматривать замок.

Элизабет не могла сдержать охватившего ее волнения. От прежней жизни у нее практически не сохранилось никаких воспоминаний, и, тем не менее, что-то все же напоминало ей о матери, которую она почти не знала и даже не помнила, как она выглядела. В этом месте мать прожила свои последние счастливые дни, и девушке казалось, что тень покойной продолжает шествовать по аллеям, что лужайки продолжают хранить знакомый с детства запах, что листья на деревьях колыхаются на ветру и шепчут что-то такое, что ей уже доводилось слышать именно в этом месте, в те же часы, когда здесь звучал голос ее матери.

– Вы загрузили, Элизабет? – спросил Поль.

– Нет, мне не грустно, просто я взволнована. Ведь мы приехали в дом моей матери, она мечтала жить здесь, а теперь нас привела сюда та же самая мечта. И еще я чувствую какое-то беспокойство. Меня преследует ощущение, что я здесь чужая и нарушаю царящие в этом месте мир и покой. Нет, вы только подумайте! Ведь моя мать так давно живет в этом замке. Она здесь совсем одна. Отец отказывается приезжать сюда, и мне кажется, что, возможно, мы тоже не имеем права сюда являться, ведь мы совершенно безразличны ко всему, что не касается нас двоих.

Поль улыбнулся:

– Элизабет, друг мой дорогой, просто на вас навалилось тяжелое чувство, которое всегда приходится испытывать, приезжая в конце дня в незнакомое место.

– Даже не знаю, – ответила она. – Возможно, вы правы... Однако я не могу избавиться от неприятного чувства, которое мне совсем не свойственно. Пьер, вы верите в предчувствия?

– Нет, а вы?

– Ну и я тоже, – ответила она, смеясь, и подставила губы для поцелуя.

Их поразило, что в гостиных и комнатах замка сохранилась жилая атмосфера, словно хозяева вовсе не покидали этот дом. В свое время граф приказал, чтобы в замке все оставалось в неизменном виде, как при жизни Эрмины д'Андевиль. Все безделушки, вышивки, кружевные скатерти, миниатюры, прекрасные кресла XVIII века, фламандские гобелены, роскошная мебель, которую когда-то коллекционировал граф, все осталось на своих местах. Казалось, что вся эта очаровательная интимная обстановка была создана специально для них двоих.

После ужина молодожены опять вышли в сад и стали прогуливаться в томной тишине. С террасы открывался вид на долину. Над ней сгущались сумерки, сквозь которые пробивались одинокие огоньки. Мощные руины разрушенной главной башни глядели в небо, на котором угасал свет уходящего дня.

– Поль, – тихо проговорила Элизабет, – а вы обратили внимание, когда мы осматривали замок, на одну дверь, закрытую на большой висячий замок?

– Ту, что находится в середине главного коридора, рядом с вашей комнатой?

– Да. Там была спальня моей несчастной матери. Отец приказал, чтобы Жером закрыл спальню и смежную с ней комнату на висячий замок и отдал ему ключ. С тех пор туда никто не заходил, и все там осталось на своих местах, все, чем пользовалась моя мать, ее вышивки, книги и прочие вещи. А на стене, в простенке между двумя накрепко закрытыми окнами, висит ее портрет. Отец заказал его за год до смерти матери своему другу, очень известному художнику. Портрет написан в полный рост, и мне сказали, что мать на нем изображена очень похоже. Сбоку от портрета стоит ее скамейка для молитв. Сегодня утром отец отдал мне ключ от ее спальни, а я обещала ему преклонить колени на этой скамейке и помолиться перед портретом.

– Давайте пойдем туда, Элизабет.

Когда они поднимались по лестнице, ведущей на второй этаж, рука молодой женщины подрагивала в руке мужа. Все лампы в коридоре были зажжены. Они дошли до спальни и остановились.

Широкая и высокая дверь спальни была устроена в толстой стене, а расположенную над ней перекладину портала украшал позолоченный барельеф.

– Откройте, Поль, – сказала Элизабет. Голос ее дрожал.

Она протянула ему ключ. Он повернул ключ в замке и взялся за дверную ручку. Но внезапно она вцепилась в руку мужа.

– Поль, подождите секунду... Для меня это такое потрясение! Подумайте только, я впервые в жизни окажусь перед изображением моей матери... а вы будете рядом со мной... любимый мой... У меня такое чувство, словно я вновь становлюсь маленькой девочкой.

– Да, маленькой девочкой, – сказал он, прижимая ее к себе. – А еще вы становитесь взрослой женщиной...

В объятиях мужа Элизабет успокоилась и прошептала:

– Все, дорогой мой, заходим.

Он толкнул дверь, потом вернулся в коридор, снял со стены одну из ламп, зашел в комнату и поставил лампу на небольшой круглый столик.

Элизабет уже успела пересечь комнату и стояла перед портретом.

Лицо матери оставалось неосвещенным. Элизабет взяла лампу и направила свет на портрет.

– Поль, до чего она красива!

Он приблизился и взглянул на портрет. Элизабет почувствовала, что силы оставляют ее, и опустилась на колени. Поль, молча, стоял рядом с ней. Через некоторое время она взглянула на него и поразилась.

Он стоял совершенно неподвижно, бледный, с широко раскрытыми глазами. Казалось, что его посетило ужасающее видение.

– Поль! – воскликнула она, – что с вами происходит?

Поль, не отрывая взгляда от портрета графини Эрмины, стал пятиться к двери. Его качало, словно он был пьян. При этом он, не переставая, колотил руками по воздуху.

– Эта женщина... эта женщина... – бормотал он хриплым голосом.

– Поль! – закричала Элизабет, – что ты хочешь сказать?

– Эта женщина... Это та самая, что убила моего отца.

III. Приказ о мобилизации

После того, как Поль произнес эти страшные слова, повисла гнетущая тишина. Элизабет неподвижно стояла рядом с мужем и пыталась понять сказанное им. Смысл услышанного еще долго оставался ей непонятным, но постепенно значение слов, произнесенных мужем, стало доходить до Элизабет, и она ощутила нарастающую боль, словно на ее теле раскрылись глубокие раны.

Она шагнула вперед и, глядя ему прямо в глаза, проговорила очень четко, но так тихо, что он едва расслышал:

– Что ты сказал, Поль? Это чудовищно...

Он в тон ей откликнулся:

– Да, я сказал чудовищную вещь. Я и сам пока в это не верю... не хочу верить...

– Значит... ты ошибся, ведь так? Ты ошибся... признайся...

Она умоляла его с таким отчаянием в голосе, словно хотела разжалобить.

Он взглянул поверх плеча жены, вновь впился взглядом в проклятый портрет и содрогнулся.

– Да, это она, – твердо сказал он, сжимая кулаки. – Это она... я узнаю ее... это она убила...

Элизабет от возмущения даже подскочила на месте. Она ударила себя в грудь и закричала:

– Это моя мать! Моя мать могла кого-то убить?.. Та, которую мой отец обожал и обожает по-прежнему!.. Моя мать, которая качала меня в колыбели и целовала меня! Да, я забыла ее, но я помню ее ласки и ее поцелуи. И она могла кого-то убить?

– Да, это она.

– Ах, Поль, то, что вы говорите, подло! Как вы можете утверждать такое, ведь с момента преступления прошло слишком много времени? Вы были ребенком, а ту женщину видели лишь в течение нескольких минут!..

– Я видел ее гораздо дольше, чем вы думаете, – с нажимом воскликнул Поль. – С того момента, когда было совершено преступление, ее образ ни на минуту не покидал меня. Бывало, что я старался избавиться от него, как стремятся избавиться от навязчивого кошмара. Но мне это не удавалось. Вот он, этот образ, я вижу его на стене. Это так же точно, как то, что я существую. Я узнаю его так же, как узнал бы ваш образ даже через двадцать лет. Это она!.. Смотрите, да посмотрите же на ее корсаж! Вы видите эту брошь, обвитую золотой змеей?.. Это камейка! Ведь я говорил вам о ней! А глаза змеи... они рубиновые! И эта черная кружевная шаль на плечах! Это она! Это та самая женщина, которую я тогда видел!

Он чувствовал, как внутри него нарастает ужас, его уже колотило, и он грозил кулаком портрету Эрмины д'Андевиль.

– Замолчи! – закричала Элизабет, которой каждое слово Поля причиняло мучительную боль, – замолчи, я запрещаю...

Она попыталась закрыть ему рот ладонью. Но Поль, словно ему было неприятно прикосновение жены, отвел ее руку. Это вышло у него настолько неожиданно и инстинктивно, что она разразилась рыданиями, а он, совсем потеряв голову, подгоняемый болью и ненавистью, словно одержимый навязчивыми галлюцинациями, прорычал:

– Вот она! Это ее злобный рот, ее безжалостные глаза! Она замышляет преступление. Я это вижу... я вижу... она приближается к отцу, хватает его... она поднимает руку... она его убивает... Ах, подлая!..

И он выбежал из комнаты...

* * *

Эту ночь Поль провел в парке. Он, как сумасшедший, бегал по темным аллеям, в отчаянии падал на газон и плакал, нескончаемо плакал.

Повзрослев, Поль Дельроз испытывал страдания только в те минуты, когда вспоминал об убийстве отца. Постепенно боль от этих воспоминаний притупилась, однако периодически накатывала страшная тоска, и страдания обострялись, словно его нещадно жгли новые раны. На этот раз боль оказалась настолько сильной, и свалилась она так неожиданно, что несмотря на его умение владеть собой и сохранять здравомыслие, он буквально потерял голову. Казалось, что его мысли, поступки, слова, которые он выкрикивал в ночи, исходят от человека, утратившего контроль над собой.

Идеи и образы бились в его воспаленном мозгу, словно листья на ветру, и при этом его неотступно преследовала одна ужасная мысль: «Я узнал убийцу моего отца, и она мать той женщины, которую я люблю!»

Но продолжал ли он ее любить? Поль, чувствуя полную безнадежность, оплакивал им же разбитое счастье, но любил ли он еще Элизабет? Был ли он способен любить дочь Эрмины д'Андевиль?

Рано утром он вернулся в замок, прошел мимо комнаты Элизабет, но его сердце при этом даже не дрогнуло. Ненависть к убийце вытравивла у него остатки любви, желаний, нежности и даже обыкновенной жалости к другому человеку.

Несколько часов он провел в полном оцепенении. Нервы его немного расслабились, но ход мыслей и состояние духа остались прежними. Теперь он решительно не желал видиться с Элизабет. Тем не менее, ему хотелось все понять, отдать себе отчет в происходящем, собрать недостающие сведения и, обретя уверенность, принять главное решение, в результате которого случится величайшая трагедия его жизни.

В первую очередь следовало расспросить Жерома и его жену, свидетельства которых имели особое значение, потому что они были лично знакомы с графиней д'Андевиль. Некоторые вопросы, например, касающиеся некоторых дат, необходимо было прояснить немедленно.

Он обнаружил их в павильоне. Оба были чрезвычайно взволнованы. Жером, державший в руке газету, и Розали отчаянно жестикулировали.

– Вот все и началось, сударь! – воскликнул Жером. – Скоро начнется, будьте уверены!

– Что именно? – спросил Поль.

– Мобилизация! Скоро сами все увидите. Я встретил своих друзей жандармов, и они меня предупредили. Уже готовы листовки и плакаты.

Поль рассеянно заметил:

– Плакаты всегда готовы.

– Да, но скоро их наклеят, будьте уверены. И, кстати, почитайте, сударь, газеты. Эти свиньи, – простите сударь, другого слова не нахожу, – эти свиньи хотят начать войну. Австрия готова начать переговоры, но тем временем они уже несколько дней как проводят мобилизацию. К тому же они стараются ограничить доступ на свою территорию. Более того, вчера, неподалеку отсюда, они разрушили французский вокзал и взорвали рельсы. Почитайте, почитайте газеты!

Поль пробежал глазами сообщения последнего часа, но, несмотря на всю серьезность текущих событий, война по-прежнему казалась ему делом маловероятным, и он лишь наскоро просмотрел заголовки газет.

– Все успокоится, – заключил Поль, – это у них такая манера вести переговоры, держа руку на эфесе сабли, я все равно не поверю...

– Вы, сударь, ошибаетесь, – пробормотала Розали.

Но он не слушал и продолжал размышлять лишь о собственной трагедии и о том, как бы ему ловчее вытянуть из Жерома недостающие сведения. Сдерживаться уже не было сил, и он спросил напрямую:

– Скажите, Жером, вам известно, что что мы с Элизабет вчера заходили в комнату графини д'Андевиль?

Было заметно, что вопрос поразил управляющего и его жену, словно Поль и Элизабет совершили святотатство, проникнув, как они выражались, в комнату мадам, которая долгие годы оставалась закрытой.

– Господи, да возможно ли такое! – пробормотала Розали.

Жером добавил:

– Это невозможно, ведь я передал господину графу единственный ключ от надежнейшего навесного замка.

– Вчера утром он отдал этот ключ нам, – сказал Поль.

И тут же, стараясь воспользоваться их смятением, задал новый вопрос:

– В комнате между окнами висит портрет графини д'Андевиль, когда именно его там поместили?

Жером ответил не сразу. Он задумался, внимательно посмотрел на жену и четко произнес:

– На ваш вопрос ответить нетрудно, его повесили тогда же, когда господин граф перед переселением в замок переправил сюда свою мебель.

– И когда же это произошло?

Ответа пришлось ждать несколько секунд. За это время нетерпение Поля достигло наивысшей точки. Ведь от ответа управляющего зависело буквально все.

– И все-таки! – взволнованно сказал он.

– Ну, весной 1898 года.

– 1898 года!

Поль был потрясен. Он проговорил про себя: 1898 год. Тот самый год, когда был убит отец!

Не раздумывая, с хладнокровием следователя, действия которого подчиняются намеченному плану, он спросил:

– Значит, граф и графиня д'Андевиль переехали в замок?..

– Господин граф и госпожа графиня приехали сюда 28 августа 1898 года и уехали на юг 24 октября.

Теперь Поль знал всю правду, ведь убийство отца произошло 19 сентября.

Ему внезапно стали ясны все обстоятельства случившегося, проливавшие свет на мельчайшие детали последующих событий. Он вспомнил, что его отец поддерживал дружеские отношения с графом д'Андевилем, и подумал, что, скорее всего, во время путешествия по Эльзасу отец узнал, что его друг д'Андевиль находится в Лотарингии и, решив сделать ему сюрприз, отправился навестить его. Поль прикинул в уме расстояние между Орнекеном и Страсбургом. Оно как раз соответствовало времени, потраченному на поездку по железной дороге.

Он спросил Жерома:

– Сколько отсюда километров до границы?

– Ровно семь километров, сударь.

– Правильно ли я понимаю, что недалеко отсюда по другую сторону границы находится маленький немецкий городок?

– Да, сударь, это Эбрекурт.

– А имеется ли короткая дорога до границы?

– Да, от шоссе за парком к границе ведет тропинка.

– Она проходит через лес?

– Да, через лес господина графа.

– А в этом лесу...

Теперь для того, чтобы обрести полную, абсолютную уверенность, которая приходит не в результате интерпретации фактов, а вследствие их констатации, оставалось лишь задать главный вопрос: не стоит ли в лесу посередине поляны маленькая часовня? Почему же Поль так и не задал этот вопрос? Возможно, он счел его слишком конкретным, способным навести управляющего на размышления и подсказать ненужные догадки, которые и без того напрашивались сами собой в ходе их разговора.

Поэтому он предпочел задать другой вопрос:

– Выезжала ли куда-нибудь графиня д'Андевиль в течение тех двух месяцев, что она прожила в Орнекене? Скажем, на несколько дней...

– Клянусь вам, ни разу. Госпожа графиня вообще не выходила за пределы поместья.

– Она только гуляла по парку?

– Именно так, сударь. Господин граф почти каждый день ездил после обеда в Корвиньи или выезжал в долину, а графиня лишь прогуливалась в парке или в лесу.

Теперь Поль узнал все, что хотел. Ему было безразлично, что подумают Жером и его жена, после того, как они выслушали бесчисленное количество несвязанных между собой вопросов. Поэтому он поблагодарил их и откланялся.

Разумеется, Полю хотелось как можно скорее довести до конца начатое им расследование, и тем не менее, поиски за пределами парка он решил перенести на более позднее время. Можно было подумать, что он боится увидеть воочию это последнее доказательство, которое, впрочем, из всех прочих свидетельств было самым убедительным.

Поль возвратился в замок, а так как уже наступило время обеда, он решил не уклоняться от неизбежной встречи с Элизабет.

Однако горничная, встретившая его в гостиной, объявила, что мадам не здорова и просит разрешения отобедать у себя. Он понял, что жена не хочет ни в чем ему препятствовать, что она отказалась защищать честь своей матери и вообще заранее готова смириться с любым решением мужа.

Обедал он один, если не считать людей, прислуживавших ему за столом. Теперь Поля преследовало такое чувство, что жизнь его закончилась, и что из-за обстоятельств, в которых никто из них не был повинен, он и Элизабет прямо в день свадьбы превратились во врагов, которых ничто в мире не сможет примирить. Разумеется, он не испытывал к ней ненависти и не ставил в вину преступление, совершенное ее матерью, однако бессознательно продолжал сердиться на нее, словно она была виновата в том, что оказалась дочерью этой женщины.

После обеда он два часа провел в комнате графини, разглядывая ее портрет. Эта новая драматическая встреча понадобилась ему для того, чтобы навсегда сохранить в памяти ее проклятый образ и заставить вспыхнуть с новой силой уже померкшие воспоминания.

Поль стоял перед портретом и внимательно рассматривал все мельчайшие детали. На камее был вырезан лебедь с расправленными крыльями. Его обрамляла золотая змея. Он запомнил блеск рубинов, струящиеся по плечам кружева, форму рта, прическу, овал лица.

Именно эту женщину он видел в тот день в конце сентября. В углу портрета он увидел подпись художника и написанные им слова: *Портрет графини Э.* Картина, несомненно, где-то выставлялась, а имя графини Эрмины почему-то не было указано полностью.

Поль подумал, что через некоторое время все встанет на свои места. Виновная в убийстве найдена и осталось лишь отыскать место преступления. Если сохранилась часовня, тогда истина будет восстановлена в полном объеме.

Он больше не опасался повстречаться лицом к лицу с этой горькой правдой. Тем не менее, сердце его отчаянно колотилось. Он понимал, что войдет в тот же лес и пройдет той же тропой, по которой шел его отец шестнадцать лет тому назад.

Утром Жером неопределенным жестом указал ему направление, в котором следовало идти. Поль пересек парк, взял немного влево и прошел неподалеку от павильона. В сторону леса шла длинная аллея, с обеих сторон обсаженная елями. Он двинулся по ней, сделал примерно пятьсот шагов и оказалось, что аллея разделяется на три узкие тропинки. Две из них вели в непроходимую чащу, а третья поднималась к вершине холма, спустившись с которого он попал на другую аллею, обсаженную елями.

Пройдя по этой аллее, Поль внезапно понял, что выбрал ее потому, что она, возможно, из-за своего внешнего вида, пробудила в нем какие-то неясные воспоминания.

Довольно долго аллея оставалась совершенно прямой, но внезапно она резко отклонилась и пошла сквозь строй высоких буков, кроны которых соприкасались, образуя необъятный купол. Затем она опять ушла в сторону и в конце темного листовенного свода, под которым расположилась аллея, Поль заметил сноп яркого света, что свидетельствовало о том, что впереди его ждет открытое пространство.

От нахлынувшего волнения у него стали неметь ноги, и Полю даже пришлось сделать усилие, чтобы двигаться дальше. Неужели сейчас он выйдет на поляну, на которой его отцу был нанесен смертельный удар? Чем ближе становилось освещенное пространство, тем отчетливее он понимал, что идет в правильном направлении. Так же, как и в комнате, где находился портрет графини, туманное прошлое начинало обретать реальные очертания.

Перед ним была все та же поляна, окруженная деревьями, устланная ковром из травы и мха и разделенная тропинками на знакомые сектора. Все так же листва деревьев причудливо заслоняла небо над поляной. А слева, словно под охраной двух тисов, стояла знакомая ему часовня.

Та самая часовня! Маленькая, старая, массивная часовня, контуры которой словно прочертили борозды в его мозгу. Деревья выросли, форма их изменилась. Изменился и внешний вид поляны. Тропинки теперь переплетались на ней не совсем так, как раньше. Много изменилось с той поры. Однако постройка, выполненная из гранита и бетона, осталась прежней. Не одно столетие должно пройти, чтобы камень покрылся разрушительной патиной и приобрел этот зеленовато-серый цвет, сам по себе являющийся знаком времени.

Именно из этой часовни с покрытым пылью витражом на фронте вышел германский император, вслед за которым появилась женщина, десять минут спустя убившая...

Поль направился к входу в часовню. Ему захотелось оказаться в том самом месте, в котором отец в последний раз произнес обращенные к нему слова. Невозможно передать, что он почувствовал в этот момент! Тот же самый край крыши, под которым они оставили велосипеды, та же деревянная дверь с большими ржавыми петлями...

Он ступил на единственную ступеньку. Толкнул дверь. И в тот момент, когда он собирался войти, два человека, прятаясь в тени за часовней, набросились на него.

Один из них направил ствол револьвера прямо в лицо Поля. Каким-то чудом Поль успел заметить револьвер и вовремя наклонился. Раздался выстрел, но пуля прошла мимо, не задев Поля. Раздался второй выстрел. Но Поль сумел оттолкнуть нападавшего и вырвать из его руки револьвер. Второй человек уже был готов нанести ему удар кинжалом. Поль попятился и, держа нападавших под прицелом, крикнул:

– Руки вверх!

Не дожидаясь, когда его команда будет выполнена, он нажал на спусковой крючок. Потом еще один раз... Оба раза раздавались щелчки, но выстрелов не последовало. Но и этого оказалось достаточно, чтобы два негодяя, перепугавшись, пулей выскочили на поляну и бросились бежать со всех ног.

Какое-то мгновение Поль стоял в нерешительности, ошарашенный этим нападением из засады. Но он быстро пришел в себя и еще раз попытался выстрелить вслед убежавшим. Однако

все было напрасно. Очевидно, что в револьвере изначально было только два патрона. Он издавал щелчки, но не стрелял.

Тогда Поль пустился вдогонку за нападшими на него мужчинами. Он сразу понял, что они бегут в том же самом направлении, в каком уходили из часовни император и сопровождавшая его женщина, а именно в сторону границы.

Заметив, что за ними гонятся, нападавшие бросились в лес и пропали из виду среди деревьев. Но Поль пустился наперерез через низменность, поросшую папоротником и колючим кустарником, и почти догнал их.

Внезапно один из них вынул из кармана свисток и пронзительно свистнул. Возможно, он подавал сигнал какому-то сообщнику. Вскоре оба протиснулись через густые заросли кустарника и совсем исчезли из виду. Поль тоже пробрался сквозь кустарник и увидел в сотне шагов от себя стену, которая словно опоясывала лес со всех сторон. Мужчины бежали вдоль этой стены, явно направляясь к той ее части, в которой была видна маленькая низкая дверь.

Поль рванулся в том же направлении в надежде догнать их до того, как они успеют добраться до двери. Местность была открытая, и бежал он заметно быстрее нападших на него мужчин, которые уже явно выдохлись и замедлили свой бег.

– Ну, бандиты, попались! – громко крикнул Поль. – Сейчас мы узнаем...

Опять раздался свист, вслед за этим один из мужчин что-то хриплым голосом прокричал. Поль был уже в тридцати шагах от них.

– Попались, попались! – повторял он с какой-то дикой радостью.

Он уже представлял себе, как ударит револьвером по лицу одного бандита и вцепится в горло другому.

Но еще до того, как негодяи добежали до двери, кто-то открыл ее изнутри. Появился их сообщник, открывший им путь к спасению.

Поль отбросил револьвер и сделал такой мощный рывок, что успел навалиться на дверь до того, как она захлопнулась.

Дверь распахнулась. И тут Поль увидел нечто такое, что заставило его непроизвольно отшатнуться назад. От неожиданности он даже утратил способность хоть как-то защититься от новой атаки. Этот третий – а вот это уже был настоящий кошмар! – занес над ним нож, но главное заключалось в том, что его лицо было Полю знакомо... Это лицо было, как две капли воды, похоже на уже знакомое ему лицо, которое он видел раньше. Лицо было мужское, не женское, но точно такое же, как и лицо, навсегда врезавшееся в его память, в этом не было никаких сомнений... Правда теперь на этом лице лежал отпечаток прожитых шестнадцати лет, и его выражение стало еще более жестким и злым, но это был тот же самый тип лица, совершенно тот же самый!..

В этот момент мужчина нанес Полю удар. Точно таким же ударом женщина, которая давно умерла, много лет тому назад убила отца Поля.

* * *

Поль Дельроз с трудом держался на ногах. Но причиной тому был всего лишь нервный срыв, вызванный внезапным появлением неведомого фантома. Что же касается нанесенного ему удара, то лезвие кинжала попало в большую пуговицу, которой был пристегнут погончик на его куртке, и отломилось от рукоятки. Поль стоял оглушенный, глаза его застилал туман. Он лишь услышал, как хлопнула дверь, в замке повернулся ключ и через некоторое время по ту сторону стены раздался шум мотора отъезжавшего автомобиля. Когда Поль вышел из ступора, все было кончено. Таинственная личность вместе с сообщниками исчезла.

Теперь Поль был полностью поглощен необъяснимым сходством неведомого существа, встреченного им сегодня, и такого же существа из прошлой жизни. Он уже не мог думать ни о

чем другом. «Графиня д'Андевиль умерла, – размышлял Поль, – и вот она возродилась в виде мужчины, лицо которого в точности такое же, какое было бы у нее в настоящее время. Может быть, это лицо родственника или неизвестного брата, брата-близнеца».

Потом он подумал: «А если я ошибаюсь? Ведь в том состоянии, в каком я сейчас нахожусь, вполне могут возникнуть галлюцинации. Неужели существует хоть какая-то связь между прошлым и настоящим? Это еще надо доказать.»

Однако необходимое доказательство немедленно было ему предоставлено, причем настолько неопровержимое, что у Поля моментально исчезли последние сомнения.

Он заметил лежавшие в траве обломки кинжала и подобрал рукоятку. Она была выточена из рога, и на ней, словно раскаленным железом, были прорезаны четыре буквы: Н, Е, R и М. Н.Е.Р.М... это первые четыре буквы имени Эрмина!⁶

* * *

...И именно в тот момент, когда он рассматривал эти буквы, смысл которых был понятен лишь ему одному, именно в этот момент произошло нечто необычное: на соседней церкви зазвонил колокол, причем звон был какой-то странный. Удары раздавались через равные промежутки времени и звучали монотонно, непрерывно, но при этом довольно торжественно и волнительно.

– Это набат, – прошептал Поль, не вдаваясь в истинный смысл этого слова.

Затем он добавил:

– Наверное, где-то случился пожар.

Десять минут спустя Поль, вскарабкавшись на стоявшее поблизости дерево, сумел перебраться через стену. По ту сторону стены также был лес, и сквозь него шла тропинка, на которой сохранились следы колес автомобиля. Он пошел по тропинке и за час добрался до границы.

У пограничного столба был выставлен пост жандармов, а за ним виднелась дорога, по которой двигались германские уланы.

За дорогой стояли дома с красными крышами и примыкающими к ним садами. Возможно, это был тот самый городок, в котором когда-то они с отцом взяли напрокат велосипеды. Кажется, он назывался Эбрекурт.

Между тем, продолжали меланхолично звонить колокола. Поль прислушался и понял, что звонят они во Франции, и еще где-то в стороне, но тоже во Франции, звонит другой колокол, а звон третьего колокола идет со стороны Лизерона. Все колокола звонили в одинаковом ритме, так что казалось, что от них исходит какой-то отчаянный призыв.

Он озабоченно повторил:

– Набат... набат... Звон идет от церкви к церкви... Что бы это могло значить?..

В голову пришла ужасающая мысль, но он ее отогнал. Нет, нет, просто звук искажается в пространстве, скорее всего, это эхо одного колокола катится по долине.

Однако по дороге, проходящей через немецкий городок, непрерывным потоком двигалась кавалерия, которая постепенно рассредоточивалась по окружающим полям. Вдобавок ко всему на французской стороне на гребне холма появился отряд драгун. Офицер оглядел в бинокль окрестности, после чего отряд скрылся из виду.

Идти дальше было невозможно. Поль возвратился к стене и обнаружил, что она опоясывает все поместье, лес и парк. Было видно, что стена возведена много лет тому назад. Теперь Полю стало понятно, почему во время его странствий вдоль границы он так и не смог обнаружить часовню. Он вспомнил, как один крестьянин когда-то говорил ему, что в этих местах

⁶ Французское написание: Hermine

имеется часовня, но расположена она на закрытой территории частного землевладения. Жаль, что раньше он не озаботился поиском этой стены!

Поль долго шел вдоль стены и, наконец, добрался до территории, относящейся к коммуне Орнекен. Здесь в прореженной части леса стояла местная церковь. Церковный колокол на мгновение замолк и вновь зазвонил громко и четко. Значит, звонил именно колокол Орнекена. Звук колокола, похожий на жалобу, буквально разрывал душу, но при этом звонил колокол как-то легко и торжественно, совсем не так, как звонят по усопшему.

Поль двинулся в направлении церкви. Вокруг нее расположилась симпатичная деревенька, утопавшая в герани и маргаритках. Группа людей молчаливо сгрудилась рядом с белым плакатом, висящим на стене мэрии.

Поль подошел и прочитал:

«ПРИКАЗ О МОБИЛИЗАЦИИ»

В любой другой период жизни Поля до него сразу дошел бы смысл этих мрачных чудовищных слов. Но сейчас переживаемый им кризис был настолько силен, что слово «мобилизация» даже не вызвало у него никакого волнения. Он совершенно равнодушно отнесся к тому, что это может отразиться и на его собственной жизни. Ладно, пусть будет мобилизация. Она начнется в полночь. Все отправятся на войну. Значит, и он пойдет воевать. Сейчас это воспринималось, как настоятельная необходимость. Все личные заботы и обязательства показались незначительными в сравнении с масштабом гражданского долга. Он даже почувствовал облегчение от того, что сверху спущен приказ, определявший его дальнейшие действия. Никаких сомнений быть не должно. Его долг очевиден: он отправляется на фронт.

Но если он уходит на войну, то почему бы не уехать немедленно? Зачем возвращаться в замок, встречаться с Элизабет, вступать в болезненные и бессмысленные объяснения, соглашаться или не соглашаться простить жену, о чем сама она вовсе не просит, хотя, по правде говоря, дочь Эрмины д'Андевиль не заслуживает прощения?

Напротив постоянного двора стоял дилижанс. На его двери был указан маршрут движения:

«Корвиньи-Орнекен – Железнодорожный вокзал».

Несколько человек уже устроились в дилижансе. Обстоятельства складывались таким образом, что семейный конфликт как бы разрешался сам собой. Размышлять не хотелось, и Поль уселся в дилижанс.

На вокзале в Корвиньи ему сказали, что его поезд отходит через полчаса, и другого поезда не будет. Вечерний поезд, с которого пересаживались на ночной экспресс, был отменен.

Поль купил билет и отправился в агентство, сдававшее автомобили в аренду. Из двух имевшихся автомобилей он выбрал самый большой и приказал немедленно перегнать его в замок Орнекен и предоставить в распоряжение госпожи Дельроз.

Затем он написал жене короткое письмо:

«Элизабет,

Сложилась настолько серьезная ситуация, что я прошу вас без промедления покинуть Орнекен. С железной дорогой могут возникнуть проблемы, поэтому я отправляю к вам автомобиль, на котором этой ночью вы уедете к вашей тете в Шомон. Надеюсь, что слуги поедут вместе с вами. Если война все-таки начнется, во что я все еще не верю, пусть тогда Жером и Розали закроют замок и переберутся в Корвиньи.

Что касается меня, то я возвращаюсь в свой полк. Что бы ни произошло, Элизабет, я никогда не забуду женщину, которая связала свою жизнь с моей и носит мое имя.

Поль Дельроз.»

IV. Письмо Элизабет

Шел первый месяц войны.

В девять часов утра 22 августа стало ясно, что удержать занимаемую позицию не удастся. Полковник рвал и метал.

К середине ночи его полк занял позицию на перекрестке трех дорог, по одной из которых осуществлялось сообщение с Люксембургом. Накануне противник перешел границу и продвинулся вперед примерно на 12 километров. От генерала, командовавшего дивизией, поступил приказ продержаться до полудня, пока не подойдут остальные части из состава дивизии. Для поддержки полка была направлена батарея 75-мм полевых орудий.

Подразделения полка укрылись в складках местности. Батарея также была надежно замаскирована. Однако с первыми лучами солнца противник засек расположение пехоты и артиллерии и принялся методично обстреливать полк из своих орудий.

Полк и батарея переместились вправо на два километра. Но через пять минут обстрел возобновился, погибли шестеро солдат и два офицера.

Полк вновь сменил позицию. Но через десять минут опять начался обстрел. На этот раз полковник проявил упрямство, и в течение часа полк потерял еще тридцать человек и одно орудие.

А между тем было лишь девять часов утра.

– Это черт знает, что такое! – кричал полковник. – Почему нас все время засекают? Они что, ясновидящие?

Он укрылся с командирами рот, артиллерийским капитаном и несколькими вестовыми за насыпью, с вершины которой хорошо просматривалась раскинувшаяся вокруг холмистая местность. Неподалеку, слева от их позиции, находилась заброшенная деревня, впереди виднелись разрушенные фермы, но на всем огромном пустынном пространстве невозможно было разглядеть ни одного солдата противника и понять, откуда ведется массированный обстрел. Орудия артиллерийской батареи пытались «прощупать» несколько точек на местности, но все усилия были напрасны. Обстрел не прекращался ни на минуту.

– Надо продержаться еще три часа, – сквозь зубы пробормотал полковник. – Придется держаться, но положим четверть полка.

В этот момент в воздухе просвистел снаряд. Он, не разорвавшись, вошел в землю прямо посреди офицеров и вестовых. Все в ожидании взрыва отпрянули и бросились на землю. Лишь какой-то капрал подбежал к снаряду, схватил его и стал внимательно рассматривать.

– Вы сошли с ума, капрал! – заорал полковник. – Немедленно бросьте его!

Капрал осторожно вернул снаряд в проделанное им в земле отверстие, подскочил к полковнику, вытянулся в струнку и отдал честь.

– Простите, господин полковник, я хотел посмотреть, какая дистанция установлена на взрывателе, ведь именно на этом расстоянии находится артиллерия противника. Там установлено 5 километров 250 метров. Для нас это важная информация.

Услышав спокойный ответ капрала, полковник смутился и воскликнул:

– Черт вас побери! А если бы он взорвался?

– Но господин полковник, кто не рискует...

– Так-то оно так, но очень уж вы круто завернули. Назовите ваше имя.

– Дельроз. Поль Дельроз, капрал третьей роты.

– Что ж, капрал Дельроз, хвалю вас за храбрость. Похоже, скоро получите сержантские нашивки. А пока что, даю вам добрый совет: больше никогда...

Его речь прервал на полуслове разрыв шрапнельного снаряда. Упал один из вестовых. Шрапнельная пуля попала ему в грудь. Одного офицера засыпало землей.

После того, как восстановился порядок, полковник заявил:

– Делать нечего, придется как-то переждать эту бурю. Приказываю всем зарыться в землю и ждать.

Но тут опять подскочил все тот же капрал Дельроз.

– Простите, господин полковник, что я лезу не в свое дело, но, думаю, мы могли бы выйти...

– Выйти из-под обстрела? Что, опять менять позицию? Да нас опять засекут... Давайте, дружище, займите свое место.

Но Поль не сдавался:

– Господин полковник, можно не менять позицию, надо, чтобы противник сам перенес огонь.

– Ну-ну, – с иронией отозвался полковник, которого, впрочем, впечатлило хладнокровие Поля, – и вы знаете, как это сделать?

– Да, господин полковник.

– Так объясните.

– Дайте мне двадцать минут, господин полковник, и через двадцать минут снаряды полетят в другую сторону.

Полковник не смог сдержать улыбку.

– Прекрасно! Надо понимать, что вы заставите их лететь туда, куда вы им прикажете?

– Да, господин полковник.

– Например, на пятьсот метров правее, на поле, засеянное свеклой?

– Да, господин полковник.

Рядом стоял артиллерийский капитан и прислушивался к их разговору. Он тоже решил пошутить:

– Вот вы, капрал, определили дистанцию, а я примерно знаю направление стрельбы. Так не могли бы вы уточнить это направление, чтобы я смог точно нацелиться и разнести немецкие батареи?

– Это гораздо труднее и потребует больше времени, господин капитан, – ответил Поль. – но я попытаюсь. Ровно в одиннадцать часов внимательно смотрите в бинокль в сторону границы. Я подам сигнал.

– Какой?

– Пока не знаю. Думаю, три ракеты...

– Но в вашем сигнале будет какой-то смысл, если вы подадите его прямо над вражеской позицией...

– Именно так и будет.

– Для этого надо знать, где она, эта позиция...

– Я это знаю.

– И надо туда добраться...

– Я доберусь.

Поль отдал честь, развернулся и прежде чем офицеры успели что-то сказать, он, пригнувшись, быстро обогнул насыпь, взял левее и, укрывшись в некоем подобии траншеи, заросшей по краям колючим кустарником, пропал из виду.

– Станный тип, – пробормотал полковник. – Чего он хочет добиться?

Однако ему явно понравилась храбрость молодого солдата, хотя он совсем не верил, что от его инициативы будет какой-то прок. Тем не менее, полковник, укрывшийся со своими офицерами за стогом сена, не удержался и несколько раз посмотрел на часы. Ситуация была хуже некуда. В такие минуты командир части вообще не думает о грозящей лично ему опасности. Он думает лишь об опасности, которая грозит тем, за кого он несет ответственность, и к кому он относится, как к собственным детям.

Сейчас все они были у него перед глазами. Одни солдаты лежали на стерне, заслонив головы вещевыми мешками, другие спрятались в перелеске, кое-кто поглубже зарылся в землю. А вокруг бушевал ураган смертоносного огня. Казалось, что падающий с неба железный град торопится быстрее завершить свою разрушительную работу. То в одном месте, то в другом, человека отрывало от земли, он совершал в воздухе пируэт, падал и застывал в неподвижности. Громко стонали раненные, но солдаты при этом окликали друг друга и даже шутили... И над всем этим непрерывно грохотали разрывающиеся снаряды.

И вдруг наступила тишина, даже показавшаяся нереальной. В воздухе и на земле произошло умиротворение, которое каждый воспринял, как избавление, дарованное свыше.

Полковник, не скрывая радости, громко расхохотался.

– Черт возьми! Крутой парень этот капрал Дельроз! Вот теперь только не хватает, чтобы снаряды вспахали свекольное поле, как он мне обещал.

Не успел он произнести эти слова, как в пятистах метрах справа разорвался снаряд, правда, не на свекольном поле, а впереди него. Второй снаряд улетел слишком далеко. После третьего снаряда все цели были уже пристреляны, и «вспашка» поля началась.

Обещание капрала было исполнено с такой математической точностью и вообще все выглядело настолько фантастично, что полковник и остальные офицеры уже не сомневались в том, что Дельроз пойдет до конца, и, несмотря на невыполнимость задачи, которую он сам себе поставил, все же сумеет подать условленный сигнал.

Они, не отрываясь, осматривали местность в бинокли, а в это время противник с удвоенной энергией молотил снарядами по свекольному полю.

В одиннадцать часов пять минут взвилась первая красная ракета.

Она появилась гораздо правее того места, в котором, как все считали, с наибольшей вероятностью находилась артиллерия противника.

За первой ракетой последовали еще две.

Артиллерийский капитан припал к стереотрубе и обнаружил колокольню церкви, которая стояла далеко в долине и была едва различима. Объяснялось это тем, что колокольня располагалась в низине среди холмов, ее шпиль на фоне других возвышенностей казался невысоким, и по этой причине его легко можно было принять за дерево. Капитан сверился с картой, и оказалось, что колокольня находится в деревне Брюмуа.

Капитан связался по телефону со своим лейтенантом и сообщил ему дистанцию до вражеских батарей, о которой сам он узнал от капрала Дельроза.

Через полчаса немецкие батареи замолчали, а после появления четвертой ракеты 75-мм орудия начали обстреливать церковь, а также деревню и ее окрестности.

Незадолго до полудня в расположении полка появилась рота велосипедистов, которая двигалась в авангарде дивизии. Они передали приказ любой ценой перейти в наступление.

Полк беспрепятственно продвинулся вперед и через некоторое время подошел к Брюмуа на расстояние винтовочного выстрела. Вражеский арьергард уже покинул деревню.

Деревня лежала в руинах, несколько домов продолжали гореть. Везде царил страшный беспорядок, повсюду лежали тела убитых и раненых солдат, валялись убитые лошади, разбитые орудия, повозки и снарядные ящики. Судя по всему, в деревне находилась целая бригада, командование которой полагало, что оно полностью контролирует обстановку. Но начавшийся обстрел застал противника врасплох, и бригада поспешно отступила.

Паперть и фасад церкви были сильно разрушены. Почерневшая от разрывов снарядов колокольня все еще смотрела в небо, но вертикальное положение она сохраняла лишь каким-то чудом, благодаря уцелевшему каменному остроконечному верху, который и удерживал ее в неустойчивом равновесии. Внутри верхней части колокольни находился какой-то человек. Он высунулся наружу, размахивал руками и кричал, стараясь привлечь к себе внимание.

Все поняли, что это был Пьер Дельроз.

Направленные ему на выручку солдаты осторожно поднялись по заваленной обломками лестнице, которая привела их на площадку в верхней части колокольни. От лестницы площадку отгораживала небольшая дверь, рядом с которой лежали восемь трупов немецких солдат. Сама дверь была разбита. Ее обломки завалили проход, который пришлось расчищать, чтобы вызвать Поля.

Во второй половине дня из-за возникших затруднений преследование противника пришлось прекратить. Полковник построил полк и при всех обнял капрала Дельроза.

– Начнем с награды, – сказал полковник. – За ваш подвиг я представил вас к медали за военные заслуги. Теперь, друг мой, объясните нам, что же все-таки произошло.

Поля стоял в окружении офицеров и ротных унтер-офицеров и отвечал на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

– Да все очень просто, господин полковник. За нами шпионили.

– Это понятно, но кто шпионил, и где находился этот шпион?

– Господин полковник, мне все стало ясно по чистой случайности. Недалеко от позиции, которую мы занимали утром, находилась деревня, а в ней церковь, не так ли?

– Да, но как только мы заняли позицию, я приказал всем жителям эвакуироваться, да и в церкви никого не было.

– Если в церкви никого не было, то почему на колокольне флюгер в виде петуха показывал, что ветер дует с востока, тогда как дул он с запада? И почему, когда мы сменили позицию, петух повернулся в нашу сторону?

– Вы в этом уверены?

– Да, господин полковник. Именно поэтому, получив от вас разрешение, я направился прямо к церкви и, стараясь быть незамеченным, забрался на колокольню. Все оказалось именно так, как я и предполагал. Там находился человек и мне, хоть и с трудом, удалось его скрутить.

– Вот сволочь! Он француз?

– Нет, он немец, переодетый французским крестьянином.

– Расстрелять его!

– Но, господин полковник, я обещал, что ему сохранят жизнь.

– Это невозможно.

– Господин полковник, ведь он честно раскрыл мне, каким образом немцы передают информацию о противнике.

– И как это делается?

– Все довольно просто. На северной стороне церкви имеются часы. Мы со своей позиции не могли видеть их циферблат. Сидя на колокольне, человек передвигал стрелки таким образом, что движением минутной стрелки он показывал расстояние от церкви до наших позиций, а с помощью петуха показывал наше местоположение. Я и сам проделал то же самое, и вскоре противник в соответствии с моими указаниями перенес огонь и стал добросовестно обстреливать свекольное поле.

– Вот это да! – смеясь, сказал полковник.

– После этого мне оставалось только пробраться на второй наблюдательный пункт, на котором принимали шпионские сообщения. Там я мог разузнать, где стоят батареи противника. Сам шпион не владел этой информацией. Я добежал до церкви, которая служила вторым наблюдательным пунктом, и здесь обнаружил не только батареи, но и всю немецкую бригаду.

– Но ведь это безумие! Разве в вас не стреляли?

– Господин полковник, я ведь надел на себя одежду шпиона, *их шпиона*. К тому же я хорошо говорю по-немецки и узнал пароль. В лицо их шпиона знал только офицер-наблюдатель. Генерал, командир бригады, не задумываясь, отправил меня к этому офицеру, как только я сообщил ему, что французы обнаружили меня, и мне чудом удалось скрыться.

– И вы осмелились?..

– А что было делать, господин полковник? К тому же я не сильно рисковал. Тот офицер ничего не подозревал, а когда я добрался до площадки на колокольне, с которой он передавал сигналы, мне удалось быстро и бесшумно его обезвредить. Дело было сделано и оставалось только подать вам условленный сигнал.

– Действительно, всего-то! Да еще посреди нескольких тысяч солдат противника!

– Но я же вам обещал, господин полковник, и уже было одиннадцать часов. На площадке имелись все необходимые средства для подачи дневных и ночных сигналов. Как было не воспользоваться такой возможностью? Я поочередно пустил четыре ракеты, и вы начали обстрел.

– Но ведь в соответствии с сигналами стрельбу мы вели как раз по колокольне, а на ней находились вы сами. Значит, это в вас мы стреляли!

– Клянусь, господин полковник, что в такие минуты обо всем этом как-то забываешь. Я так радовался, когда первый снаряд попал в церковь! К тому же противник не давал мне времени для размышления. Через некоторое время на колокольню уже поднималось с полдюжины головорезов. Несколько нападавших я пристрелил из своего револьвера, но за первой атакой последовала вторая, а потом и третья. В итоге я забаррикадировался за дверью и благодаря оружию, добытому у первой группы нападавших, мне удалось продержаться довольно долго.

– А в это время вас обстреливали наши орудия.

– Эти орудия меня и спасли, господин полковник, ведь церковь была сильно разрушена, начался пожар, и никто уже не осмеливался соваться на колокольню. Мне оставалось только набраться терпения и дожидаться вашего прихода.

О своих героических действиях Поль рассказывал совсем просто, как о чем-то обычном и само собой разумеющимся. Полковник еще раз поблагодарил его и сообщил, что ему присвоено звание сержанта. Затем он спросил:

– Вы ни о чем не хотите меня попросить?

– Разрешите мне, господин полковник, самому допросить того шпиона, которого я оставил в первой церкви, и заодно забрать припрятанное там обмундирование.

– Разрешаю. Сначала мы вместе пообедаем, а потом вам выдадут велосипед.

К семи часам вечера Поль подъехал на велосипеде к первой церкви. Но там его ждало разочарование. Шпиону удалось освободиться от веревки, которой он был связан, и сбежать.

Поль так и не смог его отыскать ни в церкви, ни в деревне. Однако недалеко от того места, где он обезвредил шпиона, Поль нашел кинжал, которым противник пытался от него отбиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.